СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ XXXVI, № 4.

ОТЧЕТЪ
о
ПРИСУЖДЕНІИ ПУШКИНСКОЙ ПРЕМІИ
въ 1884 году.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин. № 12.)
1884.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Ноябрь 1884 г.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

ОТЧЕТЪ
О ПРИСУЖДЕНІИ ПУШКИНСКОЙ ПРЕМІИ
въ 1884 году.

(Читанный въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 19-го октября предсѣдательствующимъ въ Отдѣленіи русскаго языка и словесности, ординарнымъ академикомъ Я. К. Гротомъ.)

На пушкинскій конкурсъ текущаго года поступило четыре оригинальныя сочиненія и два стихотворные перевода.

Изъ сочиненій три оказались не подходящими подъ правила о преміяхъ имени Пушкина, и одно взято авторомъ обратно.

Что касается переводовъ, то одинъ изъ нихъ, именно явившійся подъ псевдонимомъ А. Фета весь Горацій въ русскихъ стихахъ, хотя и не былъ представленъ самимъ переводчикомъ, признанъ былъ Академіею, согласно съ правилами о пушкинскихъ преміяхъ, заслуживающимъ принятія на соисканіе, и къ разсмотрѣнію его приглашенъ экстраординарный профессоръ С.-Петербургскаго университета по римской словесности И. В. Помяловскій, который и представилъ своевременно весьма обстоятельную рецензію этого труда.

Комиссія, образовавшаяся на основаніи пункта 11-го правилъ, состояла на сей разъ, сверхъ пяти членовъ Отдѣленія, изъ приглашенныхъ имъ: профессора Помяловскаго, заслуженнаго профессора Г. С. Дестуниса и А. Н. Майкова. Приглашенный же вмѣстѣ съ этими лицами Я. П. Полонскій, страдая

серіозною болѣзнію, не могъ, къ сожалѣнію, присутствовать въ комиссіи.

По выслушаніи въ ея засѣданіяхъ критическаго разбора профессора Помяловскаго и по всестороннемъ обсужденіи подлежавшаго оцѣнкѣ труда, переводчикъ Горація А. А. Шеншинъ удостоенъ полной Пушкинской преміи.

(За симъ въ засѣданіи 19-го октября прочитано было извлеченіе изъ рецензіи И. В. Помяловскаго[1]), которая здѣсь помѣщается въ полномъ видѣ).

К. Горацій Флаккъ. Въ переводѣ и съ объясненіями А. Фета. Москва 1883.

> Das Uebersetzen, und gerade der Dichter, ist eine der nothwendigsten Arbeiten in einer Literatur, theils um den nicht Sprachkundigen ihnen sonst ganz unbekannt bleibende Formen der Kunst und der Menschheit, wodurch jede Nation immer bedeutend gewinnt, zuzuführen, theils aber, und vorzüglich, zur Erweiterung der Bedeutsamkeit und der Ausdrucksfähigkeit der eigenen Sprache.
>
> W. v. Humboldt.

Имя г. Фета, какъ переводчика Горація, извѣстно русской публикѣ уже довольно давно: еще въ 1856 году въ Отечественныхъ Запискахъ сталъ печататься (вышедшій потомъ отдѣльнымъ изданіемъ) его переводъ Гораціевыхъ одъ. Книга, заглавіе которой выписано выше, свидѣтельствуетъ, что переводчикъ въ теченіе почти тридцати послѣдующихъ лѣтъ продолжалъ начатое дѣло и, вмѣстѣ съ исправленіемъ прежнихъ переводовъ, велъ свой трудъ впередъ и переводилъ эподы, сатиры и посланія Горація, такъ что нынѣ мы имѣемъ полный переводъ всего, оставленнаго потомству Венузинскимъ поэтомъ.

Тогда какъ въ литературахъ западной Европы, число переводовъ Горація насчитывается нерѣдко десятками, у насъ пере-

---

[1]) Оно было напечатано въ №№ 133 и 135 *Правительственнаго Вѣстника* 1884 г. и отдѣльными оттисками.

водъ г. Фета представляется первою полною передачею всѣхъ твореній римскаго поэта. (По причинамъ вполнѣ понятнымъ и уважительнымъ, безъ перевода оставлены эподы 8 и 12, равно какъ и нѣкоторые отдѣльные стихи изъ сатиръ, напр. I, 2, 116 и др.). И при этомъ онъ оказывается передачею прекрасною, заслуживающею всякаго одобренія.

Переводъ поэтическаго произведенія представляется дѣломъ не легкимъ; но трудности его увеличиваются и дѣлаются нерѣдко непреоборимыми тогда, когда переводится поэтъ древній, языкъ и міровоззрѣніе котораго извѣстны намъ лишь по теоріи, изъ книгъ; а между тѣмъ переводы необходимы и играютъ важную роль какъ въ развитіи національной литературы, такъ и въ поднятіи уровня общественнаго образованія.

Всѣ знаютъ, съ какимъ восторгомъ привѣтствовала Германія Фоссовы переводы Гомера; не безъизвѣстно и то впечатлѣніе, какое произвели на нашу читающую публику переводы: Иліады Гнѣдича и Одиссеи Жуковскаго. Съ ними смѣло можно сопоставить и переводъ Горація, сдѣланный г. Фетомъ. Хотя по своимъ литературнымъ достоинствамъ, по своему вліянію на образованный міръ, Гомеръ и Горацій представляются величинами далеко не равными, тѣмъ не менѣе мы рѣшаемся сопоставить ихъ русскіе переводы въ виду сравнительныхъ достоинствъ этихъ послѣднихъ. Дѣйствительно, по языку и отдѣлкѣ стиха переводъ г. Фета стоитъ неизмѣримо выше перевода Гнѣдича, а по непосредственному изученію подлинника — выше перевода Жуковскаго. Такимъ образомъ, съ одной стороны онъ представляетъ обогащеніе нашей поэтической литературы, съ другой — содѣйствуетъ вѣрному ознакомленію читающей публики съ однимъ изъ великихъ поэтовъ античнаго міра.

Здѣсь не мѣсто вдаваться въ подробную оцѣнку поэзіи Горація; достаточно сказать, что рѣдкій изъ поэтовъ древности пользовался и пользуется такою популярностью въ позднѣйшемъ потомствѣ, какъ римскій лирикъ, муза котораго въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ возбуждала къ себѣ симпатію людей всѣхъ

возрастовъ и положеній. Ознакомить массу русской читающей публики съ этою музою — заслуга великая.

Выше было замѣчено, что переводы древнихъ писателей, и, въ частности, поэтовъ, дѣло не легкое, на которое способенъ не всякій, такъ какъ оно требуетъ соединенія многихъ условій въ переводчикѣ. Прежде всего, онъ долженъ быть не только стихотворцемъ, но и поэтомъ; переводить античное поэтическое произведеніе прозою, и переводить съ цѣлью доставить читателю возможность наслаждаться его красотами, совершенно невозможно; по мѣткому выраженію А. В. Шлегеля, прозаическій переводъ античнаго поэта есть ein poetischer Todschlag. Но мало придать переводу стихотворную форму; необходимо чувствовать всѣ эстетическія особенности подлинника и, въ нерѣдкихъ случаяхъ, изъ переводчика дѣлаться творцомъ, который, на мѣсто непередаваемыхъ частностей и идіотизмовъ подлинника, долженъ создать нѣчто вполнѣ имъ соотвѣтствующее и понятное для современныхъ читателей. Необходимо, чтобы переводчикъ былъ, до извѣстной степени, конгеніаленъ съ творцомъ оригинала. Трудно, дѣйствительно, представить себѣ, чтобы величавый эпикъ сталъ переводить, и притомъ переводить удачно, страстнаго лирика и наоборотъ, и встрѣчающіеся въ различныхъ литературахъ примѣры вполнѣ подтверждаютъ только что высказанное положеніе. Такъ Фоссъ, представившій образцовый переводъ Гомера, не могъ совладать съ Тибулломъ и его переводъ римскаго эротика далеко не передаетъ всей легкости, увлекательности и задушевности подлинника, представляя его сухимъ и чопорнымъ.

Вмѣстѣ съ требованіемъ поэтическаго дара, переводчику предъявляются и требованія серьезнаго изученія древняго текста, изученія, невозможнаго безъ основательнаго знанія древнихъ языковъ и древней жизни; переводчикъ долженъ быть не только поэтомъ, но и филологомъ. Только при гармоническомъ соединеніи этихъ двухъ особенностей онъ можетъ удовлетворительно передать античный оригиналъ.

Въ такой передачѣ требуется соединеніе многихъ условій,

главнѣйшія изъ которыхъ будутъ слѣдующія: необходимо, чтобы переводчикъ точно и всесторонне понималъ подлинникъ, разумѣя его въ его грамматическомъ и лексикальномъ составѣ — ошибки въ пониманіи представляются со стороны переводчика тяжкими прегрѣшеніями. Безукоризненная ἀκρίβεια въ разумѣніи оригинала ведетъ, естественно, къ тому, что переводъ замѣняетъ собою комментарій. Но, разумѣя слова и фразы, переводчикъ долженъ безукоризненно точно разумѣть и ихъ содержаніе, другими словами, съ пониманіемъ грамматическимъ рука объ руку должно идти и пониманіе реальное, простирающееся какъ на среду, въ которой жилъ и дѣйствовалъ и для которой писалъ поэтъ, такъ и на его собственную личность, насколько ею объясняются его произведенія. Самая передача древняго оригинала, предварительно усвоеннаго переводчикомъ во всѣхъ его деталяхъ, должна вполнѣ соотвѣтствовать ему какъ по внѣшней формѣ, такъ и по тону и колориту. Что касается первой, то необходимо, чтобы каждый стихъ перевода соотвѣтствовалъ стиху подлинника, чтобы сохранялся, по возможности, порядокъ не только мыслей, но и отдѣльныхъ фразъ и выраженій, необходимо, чтобы такія формальныя особенности подлинника, какъ особенности и перемѣна метра, строфическое раздѣленіе, нѣкоторыя намѣренныя нарушенія обычнаго хода рѣчи находили себѣ вѣрный отпечатокъ въ переводѣ. Что касается тона и колорита, то и они должны быть сохранены переводчикомъ: прежде всего, онъ не можетъ утрировать подлинника, придавая ему краски или болѣе густыя или болѣе блѣдныя; затѣмъ онъ не можетъ величавый или возвышенный тонъ замѣнить разговорною рѣчью, наивность — искусственностью, игривость — педантизмомъ и тому под. Вездѣ читатель перевода въ полномъ правѣ ожидать точнаго воспроизведенія того настроенія поэта, которое отпечатлѣлось въ его произведеніи. Наконецъ — что, впрочемъ, разумѣется само собою — переводъ долженъ быть изложенъ рѣчью, которая представляла бы всѣ особенности литературнаго языка того народа, къ которому принадлежитъ переводчикъ.

Таковы главныя требованія, предъявляемыя всякому и, въ частности, русскому переводчику древняго поэта. Только при ихъ соблюденіи русскій переводъ достигаетъ идеальнаго совершенства, т. е. дѣлается вѣрнымъ, близкимъ, благозвучнымъ и изложеннымъ чистымъ русскимъ языкомъ. Но идеальное совершенство недостижимо и переводчику приходится постоянно находиться между Сциллой и Харибдой, т. е. между необходимостью соблюсти возможную близость къ подлиннику и опасеніемъ погрѣшить противъ чистоты роднаго языка. Нерѣдко удается ему благополучно миновать эти опасности, но бываютъ случаи, когда ему необходимо выбирать между тою или другою, т. е. или придерживаться оригинала, жертвуя ему чистотою языка, или, соблюдая её, отступить отъ подлинника и навлечь на себя укоръ въ неточности Въ такихъ случаяхъ, благополучному выходу изъ затрудненія помогаетъ указанная выше, необходимая для хорошаго перевода, премисса — поэтическій даръ переводчика. Онъ бываетъ вынужденъ отступать отъ подлинника и вмѣсто непередаваемаго поставить иное, вполнѣ соотвѣтствующее требованіямъ родной рѣчи и жизни, и въ тоже время отвѣчающее замѣняемому. Строгій филологъ не осудитъ его за такое отступленіе, а образованный читатель поставитъ даже ему это въ заслугу.

Мы сочли необходимымъ предпослать нашему разбору труда г. Фета эти общія замѣчанія для того, чтобы указать тѣ требованія, которыя мы имѣемъ въ виду приложить къ его переводу. Предварительно, однако, подробной его оцѣнки, полагаемъ неизлишнимъ указать на отношеніе переводовъ г. Фета къ переводамъ предшествовавшимъ. И ранѣе г. Фета Горацій переводился на русскій языкъ, но только не вполнѣ: изъ одъ и эподъ переведены лишь нѣкоторыя, сатиры же и посланіе къ Пизонамъ переведены цѣликомъ. Опуская переводы прошлаго столѣтія (Баркова, Тредіаковскаго, Поповскаго), мы остановимся на нѣкоторыхъ переводахъ болѣе новыхъ, выбирая переводы: Мерзлякова, Орлова, Крешева, Дмитріева (мы умалчиваемъ о пе-

редачѣ отдѣльныхъ одъ Горація — Берга, Вейнберга, Фокова, Вердеревскаго и нѣкоторыхъ другихъ потому, что передачи эти ограничивались весьма незначительнымъ количествомъ одъ).

Мерзляковымъ переведено 25 одъ (III, 4; IV, 4; I, 34; I, 35; IV, 7; I, 24; I, 5; III, 2; I, 22; II, 16; II, 3; II, 10; I, 4; I, 13; I, 28; IV, 9; III, 16; III, 5; II, 18; III, 3; II, 2; II, 8; I, 9; III, 21; II, 20), частію риѳмованными стихами, частію размѣромъ подлинника. При всемъ знакомствѣ Мерзлякова съ древними языками, переводы его не могутъ быть названы близкими и еще менѣе — воспроизводящими оригиналы. Вотъ примѣръ перваго недостатка (выбираемъ 8-ую оду II-ой книги, которая передана всѣми разсматриваемыми переводчиками):

Еслибъ *каждый разъ,* нарушая клятвы,
Прелесть-Дѣва, ты отъ того терпѣла:
Нынѣ зубъ одинъ потемнѣлъ бы, *завтра*
Ноготь *перловой*:

Можно бъ ждать добра; — напротивъ, чѣмъ болѣ
Клятвой ты главу вѣроломной вяжешь:
Тѣмъ ты краше, *тѣмъ намъ милѣй, тѣмъ болѣ*
Страстныхъ исканій!

Горя нѣтъ тебѣ оболгать *священной*
Въ гробѣ родшей прахъ; *призывать въ поруки*
Небо, звѣзды, нощь, и богами *клясться*
Чуждыми смерти.

Что же? — Лжешь: любви улыбается матерь;
Хитрый смѣхъ межь нимфъ; — купидонъ свирѣпый
Шутитъ самъ, точа раскаленны стрѣлы
Камнемъ кровавымъ! —

Вѣчно новый рой молодежи *рѣзвой;*
Вѣчно новый хоръ раболѣпства; даже
Тѣ ей служатъ вновь, чародѣйкѣ, коихъ
Прежде терзала.

Тамъ трепещетъ мать за *любезныхъ дѣтокъ;*
Здѣсь грустить старикъ домовитый; дѣвы,
Въ бракъ вступя, *дрожатъ; не увлекъ бы милыхъ*
Воздухъ *волшебный!..*

При сличеніи этого перевода съ подлинникомъ видно, что во многихъ мѣстахъ первый представляетъ не что иное, какъ перифразъ, и вводитъ такіе образы и картины, которыхъ въ подлинникѣ не имѣется и, притомъ, вводитъ безъ всякой къ тому необходимости. Отличительное свойство Гораціевыхъ одъ есть ихъ необычайная отдѣлка, соединенная съ изысканною простотою, чуждою всякой аффектаціи и всѣхъ неровностей. Эта особенность далеко не передана Мерзляковымъ: даже въ двадцатыхъ годахъ, къ которымъ относятся его переводы, форма ихъ должна была представляться во многихъ мѣстахъ неуклюжей и аффектированной; и тогда было замѣтно, что переводчикъ съ большими усиліями тщится передать подлинникъ, и явные слѣды этихъ усилій даютъ невѣрное объ немъ понятіе читателю (напр. Подъ властію Парѳянъ *Марсусъ* и *Аппулусъ* — эти двѣ неуклюжія формы очевидно понадобились для стиха; муравлены *кади Сабиновъ;* на *дскѣ* сей завѣтной; *мнѣ* рощи Парнасса, *мнѣ* улыбнулись и пр.). Но было бы несправедливо отмѣчать лишь одни недостатки переводовъ Мерзлякова: рядомъ съ неудачными мѣстами у него попадаются и строфы, довольно вѣрно передающія мысли, образы и даже отдѣльныя выраженія оригинала. Любопытно то обстоятельство, что риѳмованные переводы Мерзлякова въ общемъ несравненно удачнѣе тѣхъ, въ которыхъ онъ старался сохранить размѣръ подлинника.

Хотя и появившійся позже перевода Мерзлякова: «Опытъ перевода Гораціевыхъ одъ» (Спб. 1830) В. Орлова предста-

вляется тѣмъ не менѣе шагомъ назадъ (переведены оды: I, 1, 3, 5, 7, 8, 9, 15, 19, 22, 25, 26, 28, 29, 35; II, 2, 3, 6, 7, 8, 9, 10, 14, 16, 18; III, 2, 6, 9, 12, 13, 18, 23, 24, 28, 29; IV, 1, 3, 7, 11; эподы 2 и 15). Прежде всего, переводъ весьма далекъ отъ подлинника и нерѣдко передаетъ его совершенно неправильно, чтó свидѣтельствуетъ о недостаточно тщательномъ изученіи переводчикомъ оригинала; перифразомъ представляются не только отдѣльныя выраженія и стихи, но даже и цѣлыя оды, какъ это можно видѣть изъ ниже приводимаго образца. Стихъ Орлова, хотя и болѣе свободенъ отъ неуклюжестей стиха его предшественника, тѣмъ не менѣе такъ же далекъ отъ изящно отдѣланнаго стиха Горація; кромѣ того, весь тонъ перевода — величаво-выспренній — далекъ отъ простаго, нерѣдко игриваго тона, который придалъ Горацій большинству своихъ произведеній. Вотъ переведенная Орловымъ 8-я ода второй книги:

Я вѣрилъ бы — когдабъ, тобою
Изъ клятвъ нарушенныхъ, одна
Была хоть разъ отомщена
Иль безобразьемъ, иль бѣдою;
Но ты — чѣмъ больше собрала
Надъ головою клятвъ ужасныхъ
Тѣмъ къ мукамъ юношей несчастныхъ
Красою лучшей разцвѣла.
Итакъ, чтобъ прелести умножить,
Ты можешь оскорблять боговъ,
И сонмы звѣздъ, и ночи кровъ,
И пепелъ матери тревожить.
И чтожъ? смѣется мать любви
Съ толпою нимфъ простосердечной;
И купидонъ безчеловѣчный
Смѣясь, пукъ стрѣлъ калитъ въ крови.
Пока несетъ страданій бремя
Безумцевъ презрѣнныхъ любовь,

Порадуйся: на рабство вновь
Готово молодое племя.
Трепещетъ мать за сыновей;
Трепещутъ жены въ ожиданьѣ,
Чтобъ Эарины обаянье
Не заразило ихъ мужей.

По времени, вслѣдъ за Орловымъ, изъ вышеупомянутыхъ переводчиковъ Горація, надобно назвать М. А. Дмитріева, переводчика сатиръ и посланія къ Пизонамъ. Дмитріевъ изучилъ подлинникъ довольно основательно и воспользовался нѣкоторыми пособіями какъ нѣмецкой, такъ и французской ученой литературы; примѣчанія, въ большомъ количествѣ сопровождающія его переводъ, свидѣтельствуютъ о начитанности переводчика. Но, удовлетворяя болѣе или менѣе одному изъ требованій, предъявляемыхъ переводчику Горація — чтобы онъ былъ филологомъ, Дмитріевъ, къ сожалѣнію, не удовлетворяетъ другому — чтобы онъ былъ поэтомъ. Вслѣдствіе того, передавая почти вездѣ вѣрно мысли и выраженія Горація, переводчикъ знакомитъ читателя съ содержаніемъ его сатиръ, но не даетъ понятія объ ихъ формѣ. Дѣйствительно, въ сатирахъ и посланіяхъ Горація латинскій гекзаметръ доведенъ до такаго совершенства, какого онъ никогда не достигалъ ни до, ни послѣ Горація. Эти versiculi или nugae, какъ ихъ зоветъ самъ поэтъ, до такой степени граціозно-капризны, что кажутся не поддающимися никакой регламентаціи или нормѣ. Между тѣмъ, при внимательномъ ихъ изученіи, оказывается, что это своеволіе прикрываетъ собою тщательнѣйшую работу, стремленіе къ совершенству отдѣлки, проведенное въ высшей степени удачно и послѣдовательно. Далеко не такими представляются гекзаметры Дмитріева: капитальною ошибкою переводчика является то, что онъ, по собственному признанію, старался, «чтобы языкъ его не противорѣчилъ языку поэзіи, котораго отличіе отъ прозы состоитъ въ томъ благородствѣ и округлости выраженій, которыя только въ поэзіи соединяются съ про-

стотою». Это стремленіе къ «благородству и округлости выраженій» и повело къ тому, что въ русскомъ переводѣ тонъ сатиръ Горація совершенно перемѣнился и изъ непринужденно спокойнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ развязно шутливаго превратился въ скучно-доктринерскій, высокопарный и потому нерѣдко вовсе не гармонирующій съ содержаніемъ; стихъ Дмитріева однообразенъ и, по своему построенію, нисколько не напоминаетъ собою мастерскихъ гекзаметровъ Горація. Очевидно, переводчикъ не могъ справиться съ необычайно причудливою формою оригинала и объ ней русскій читатель не можетъ составить себѣ понятія. Правда извиненіемъ переводчику можетъ служить необычайная трудность задачи, про которую еще знаменитый Фр. Авг. Вольфъ выразился, что онъ съ бо̀льшею охотою и съ меньшимъ трудомъ переведетъ всю Одиссею, чѣмъ — десять сатиръ Горація. При всѣхъ недостаткахъ, переводъ Дмитріева является фактомъ, заслуживающимъ признанія: первые шаги вездѣ трудны и послѣдующимъ переводчикамъ уже гораздо легче идти по разъ проложенному пути.

Въ 1862 году вышла въ свѣтъ небольшая книжечка подъ заглавіемъ: «Переводы и подражанія И. П. Крешева». Въ ней помѣщены переводы 22 одъ Горація (I, 2, 3, 4, 5, 8, 9, 20, 22, 25, 34, 38; II, 7, 8, 9, 12, 16, 18; III, 24; IV, 11; эподы 2 и 15). Неизвѣстные издатели заявляютъ въ предисловіи, что, по ихъ убѣжденію, «болѣе удачныхъ переводовъ не было въ нашей литературѣ и что даже талантливый Фетъ стоитъ, въ этомъ отношеніи, ниже скромнаго поэта, неизвѣстнаго большинству читателей». По внимательномъ сравненіи переводовъ Крешева съ переводами г. Фета, мы не можемъ раздѣлить мнѣнія анонимныхъ издателей: правда, Крешевъ внимательно изучилъ подлинникъ, хорошо владѣетъ стихомъ, имѣетъ поэтическое чутье и, благодаря всему этому, далъ такіе переводы, которые стоятъ неизмѣримо выше переводовъ и Мерзлякова и Орлова. Это можно видѣть изъ сравненія его перевода той же 8-ой оды второй книги:

Я вѣрилъ бы тебѣ, когда-бъ за клятвы всѣ,
Что ты нарушила, отмстительнымъ урокомъ —
Хоть почернѣлъ бы зубъ во вредъ твоей красѣ,
Постигло-бъ ноготокъ порокомъ.

Но нѣтъ!... Лишь голову свою ты обрекла
На гибель клятвою, — ты блещешь вдвое краше,
Прелестнѣй прежняго, и снова увлекла
На муку юношество наше...

Все съ рукъ тебѣ идетъ! Взываешь ложно ты
И къ пеплу матери усопшей, и къ свѣтиламъ,
Которыя глядятъ безмолвно съ высоты,
И къ чуждымъ хладной смерти силамъ...

Самой Венерѣ — да!... смѣшно отъ этихъ дѣлъ,
И нимфы робкія смѣются тихомолкомъ,
Амуръ же точитъ лишь запасы жгучихъ стрѣлъ
Надъ окровавленнымъ оселкомъ.

Вся юность для тебя, замѣть! растетъ, рабовъ
Ватага новая, а прежнихъ неотступный
Рой, послѣ всѣхъ угрозъ, толпится у столбовъ
Дворца владычицы преступной.

Боятся матери тебя за сыновей,
Пугаютъ стараго глупца твои удары,
И новобрачныя въ тревогѣ, чтобъ мужей
Твои не обольстили чары.

По близости къ подлиннику, отдѣльныя картины котораго, за немногими исключеніями, нашли себѣ соотвѣтствующее выраженіе, по выдержанности тона, по легкости и гармоніи стиха, только что приведенный переводъ на далеко оставляетъ за собою переводы предшественниковъ. Но эти же достоинства, какъ мы надѣемся показать ниже, присущи и переводамъ г. Фета, который, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, съумѣлъ подойти къ подлиннику еще ближе, чѣмъ Крешевъ,

вѣрнѣе передать образы и эпитеты оригинала. Нѣсколько доказательствъ:

Jam satis terris nivis atque dirae
Grandinis misit pater et rubente
Dextera sacras iaculatus arces
Terruit Urbem

Крешевъ: Довольно граду и снѣговъ
Отецъ послалъ землѣ, съ размаха
Бросая въ куполы боговъ
Десницей молніи. Далъ страха
И Риму и народамъ....

Г. Фетъ:

Довольно ужъ Отецъ и градомъ, и снѣгами
Всю землю покрывалъ, ничѣмъ неумолимъ:
Ужъ подъ рукой его, краснѣющей громами,
Трепещетъ древній Римъ.

У г. Фета не переведено только выраженіе: sacras arces (что Крешевъ не совсѣмъ удачно перевелъ: куполы боговъ) и прибавленъ эпитетъ: древній къ слову Римъ; но затѣмъ подлинникъ выраженъ превосходно. У Крешева пропалъ эпитетъ dirae, изчезла картина rubente dextera, и прибавлена совершенно ей несоотвѣтствующая: съ размаха.

cur apricum
oderit campum patiens pulveris atque solis?
cur neque militaris
inter aequalis equitat Gallica nec lupatis
temperat ora frenis?
cur timet flavum Tiberim tangere? cur olivum
sanguine viperino
cautius vitat?

Крешевъ:

Зачѣмъ *на площади въ жаръ не видать* его,
Хоть *не нужна* ему ни въ пыль, ни въ зной *защита:*
Чтожъ между сверстниковъ, *доспѣхами звеня,*
Не скачетъ онъ верхомъ и, *натянувъ поводья,*

Не укрощаетъ бѣгъ *строптиваго* коня?
Давно ли нашъ пловецъ боится мелководья?
Давно ли не блеститъ оливы сокъ на немъ
И, какъ ехидны кровь, противенъ сталъ *атлету*?

г. Фетъ:

Зачѣмъ чуждается сообщества борцовъ
Сносить и пыль и жаръ привыкшій, какъ мужчина?
Зачѣмъ не скачетъ онъ въ отвагѣ боевой
Межъ сверстниковъ, коня изъ Галліи лѣсистой
Могуче укротя колючею уздой —
И Тибръ его страшитъ волною золотистой?
Зачѣмъ, какъ ядъ, ему противенъ сталъ елей?

Vile potabis modicis Sabinum
Cantharis graeca quod ego ipsa testa
Conditum levi, datus in theatro
        Cum tibi plausus,
Care Maecenas eques, ut paterni
Fluminis ripae simul et iocosa
Redderet laudes tibi Vaticani
        Montis imago.

Крешевъ:

Простаго выпьешь ты вина
Сабинскихъ лозъ изъ кружки бѣдной..
Амфора та замѣнена
Когда въ театрѣ *кликъ побѣдный*
Раздался, *другъ*, на твой приходъ,
И *тяжкій громъ* рукоплесканій
Дрожалъ на лонѣ отчихъ водъ
И замиралъ на Ватиканѣ.

г. Фетъ:

Ты будешь пить изъ чашъ сабинъ недорогой;
Его рука моя въ сосуды наливала
Въ тотъ день, когда, въ театръ приходъ замѣтя твой,
Толпа рукоплескала.
Мой всадникъ дорогой, припомни, Меценатъ,
Какъ плескамъ тѣмъ тогда отвѣтствовали рьяно
Родные берега, отгрянувши стократъ
На эхо Ватикана.

Приведенныхъ сопоставленій, число которыхъ можетъ быть значительно увеличено, достаточно для того, чтобы убѣдиться, что переводы Крешева, при всѣхъ ихъ достоинствахъ, уступаютъ переводамъ г. Фета въ близости къ подлиннику и въ выдержанности его картинъ и образовъ. Справедливость требуетъ, однако, замѣтить, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ преимущество должно быть отдано Крешеву, но мѣстъ такихъ немного.

Мы предпослали обозрѣніе главнѣйшихъ переводовъ нѣкоторыхъ произведеній Горація до перевода г. Фета съ цѣлью показать, что труды его предшественниковъ мало облегчали его задачу и что, поэтому, нельзя ставить ему въ особенную вину то, что онъ, повидимому, незнакомъ или мало знакомъ съ ними; укорять его въ этомъ незнакомствѣ было бы справедливо тогда, когда предшественники дали бы ему обильный матеріалъ, которымъ онъ могъ и долженъ былъ воспользоваться.

Трудъ г. Фета дѣлится, какъ и произведенія Горація, на двѣ рѣзко отличающіяся половины: лирическую — оды, эподы и юбилейный гимнъ, и дидактическую — сатиры и посланія. Оды являются въ разбираемой книгѣ изданными вторично. Въ первый разъ онѣ появились въ 1856 г. въ видѣ отдѣльныхъ оттисковъ изъ Отечественныхъ Записокъ. Сравнивая новое изданіе со старымъ, мы видимъ, что оно представляетъ нѣкоторыя измѣненія, касающіяся какъ отдѣльныхъ словъ, такъ и цѣлыхъ стиховъ; въ общемъ эти измѣненія представляются улучшеніями, какъ это можно видѣть изъ слѣдующихъ примѣровъ:

Старое изд.: Онъ *предназначенъ* вновь для почести тройной....	Новое изд.: Онъ *предлагается*....
Намъ выхваляетъ *лѣнь* родимыхъ береговъ	Намъ выхваляетъ *миръ* родимыхъ береговъ
И *мирныя поля*....	И *городскихъ полей*....
Меня-жъ — зеленый плющъ, *премудраго* награда,	Меня-жъ зеленый плющъ, *искуснаго* награда —
Да *хоры* легкихъ Нимфъ *и Фавновъ при лунѣ*	Да *между* легкихъ Нимфъ *Сатировъ хороводъ*
Возносятъ надъ толпой, *доколь по старинѣ*	Возносятъ надъ толпой, *пока передаетъ*
Эвтерпа флейту мнѣ *звончатую даруетъ*	Эвтерпа флейту мнѣ, *меня не отвергаетъ*
И Полигимнія *съ ней лиру согласуетъ*....	И Полигимнія *Лесбоса пѣснь слагаетъ*....
Увы! насытился кровавою игрою	*Насытился, увы!* кровавою игрою
Ты, любящій шеломъ *воинственный* и крикъ	Ты, любящій шеломъ *блестящій, бранный* крикъ
И *Мавра* пѣшаго *надъ* вражьей *головою*	И *Марза* пѣшаго *предъ* вражьею *толпою*
Ожесточенный ликъ....	Ожесточенный ликъ....
И *море* изо всѣхъ вѣтровъ поработилъ	И *Адрій* изо всѣхъ вѣтровъ поработилъ,
Вздымаетъ ли волну, иль волны укрощаетъ....	*Вздымать ли волны онъ иль укрощать желаетъ*....
Суровая зима отъ вешнихъ устъ слетѣла,	Суровая зима отъ вешнихъ устъ слетѣла
И вновь бѣжитъ вода съ изсохшаго руля....	*Рычагъ уперся въ бокъ сухаго корабля*....
О, Секстъ! нельзя намъ жить съ надеждою большою...	Нельзя намъ, *Секстій*, жить съ надеждою большою....
Ни *Одиссея* бѣгъ *двоякій* черезъ воды....	Ни бѣгъ *двуличнаго Улисса* черезъ воды....
Аніо быстротекущій, да рощи Тибура *и влажный*	Аніо быстротекущій, да рощи Тибура и *тѣни*
Трепетный брегъ плодовитаго сада....	*Влажныхъ садовъ надъ живыми ручьями*....
Доколѣ отъ *сѣдинъ ужасныхъ* ты далекъ	*Пока* отъ *сѣдины угрюмой* ты далекъ,
Дотолѣ все твое, по прихоти желанья,	*Теперь еще* твое, по прихоти желанья,
Поля и площади, и въ зимній вечерокъ....	*Все: поле Марсово, и площадь, въ вечерокъ*....
Что прежде скажу изъ хваленій обычныхъ	*Могуль не вопервыхъ вѣщать я хваленье*
Отцу и людей и безсмертныхъ, который	*Отцу и царю надъ людьми и богами,*
И море и сушу умѣрилъ въ годичныхъ	*Что море, и землю, и міра теченье*
Смѣненіяхъ Горы?....	*Умѣрилъ часами?*....
Что южный вѣтеръ бьетъ, и отъ него давно	*Порывами вѣтровъ, что реи ужъ* давно
На мачтѣ *свищетъ все* и все сокрушено....	На мачтѣ *стонутъ всѣ*, и все сокрушено?....
Ни *лезвее ножа*, ни глубины морскія....	Ни *Норика клинокъ*, ни глубины морскія....
Водилъ враждебный плугъ по сверженнымъ стѣнамъ....	*Надменно плугъ пускалъ* по сверженнымъ стѣнамъ....
Здѣсь въ жаркій каникулъ, за рощею дальной	Здѣсь въ жаркій каникулъ, за рощею дальной,
Сыграемъ на лирѣ Тіиса,	*Избравши Теосскія стопы,*
Споешь про любовь и Цирцеи кристальной	*Любовь ты соперницъ,* Цирцеи кристальной
И славной супруги Улисса....	*И вѣрной споешь Пенелопы*....
Насъ учитъ бой Лапитъ съ центаврами хмѣльныхъ....	*Центавровъ учитъ бой съ Лапитами* хмѣльныхъ....

Изъ этого сопоставленія явствуетъ, что въ промежутокъ, протекшій между обоими изданіями, переводчикъ тщательно просматривалъ свой переводъ и внесъ въ него не мало улучшеній. Что касается эподъ, юбилейнаго гимна, сатиръ и посланій, то они, какъ было замѣчено выше, являются въ разсматриваемой книгѣ впервые.

Приступая къ разбору и оцѣнкѣ перевода г. Фета, мы прежде всего считаемъ необходимымъ отвѣтить на вопросъ о филологическомъ изученіи оригинала переводчикомъ. Хотя въ общемъ изученіе это можетъ быть признано достаточнымъ, тѣмъ не менѣе строгимъ требованіемъ филолога-классика г. Фетъ удовлетворяетъ не вездѣ. Съ какого текста переводилъ онъ и какъ къ нему относился? Изъ отрывочныхъ ссылокъ и указаній мы можемъ заключать, что при переводѣ одъ и эподъ г. Фетъ придерживался текста и объясненій Оббаріуса, при переводѣ же сатиръ и посланій — какого нибудь другаго, изъ не особенно новыхъ изданій. Кромѣ того, судя по ссылкамъ — у него подъ руками были сочиненія: Кирхнера: Quaestiones Horatianae, Вебера: Horaz als Mensch und Dichter, Л. Миллера: Жизнь и сочиненія Горація, и нѣкоторыя другія. Каковъ бы ни былъ текстъ, положенный г. Фетомъ въ основу его перевода, онъ не можетъ быть признанъ соотвѣтствующимъ современному состоянію критически-очищеннаго текста Горація. Такъ, прежде всего, въ немъ еще сохранились такіе стихи и строфы, которые единогласно признаются новѣйшими издателями Горація за очевидно-интерполированные. Къ такимъ принадлежатъ: 9-я строфа 12-ой оды I-ой книги, 5-ая строфа 11-ой оды III-ей книги, знаменитая 4-ая строфа 8-ой оды IV-ой книги и нѣкоторыя другія. Интерполяцію нѣкоторыхъ отмѣтилъ и самъ переводчикъ. Такъ, къ стиху 56-му 1-го посланія I-ой книги, взятому изъ сатиръ I, 6, 74, онъ замѣчаетъ, что стихъ этотъ кажется ему положительно ошибочной вставкой (что, впрочемъ, признается почти всѣми издателями Горація; срвн. также, что говоритъ переводчикъ о первыхъ восьми стихахъ 10-ой сатиры I-ой книги и о 91-ой ст.

18-го посланія I-ой книги). Совершенно соглашаясь съ его мнѣніемъ, не можемъ не пожалѣть, что того же приговора онъ не произнесъ и надъ другими, столь же очевидными вставками, какъ напр. вышеприведенныя мѣста изъ одъ. Если отсутствіе новѣйшихъ критическихъ изданій Горація повело переводчика ко включенію въ переводъ стиховъ очевидно подложныхъ, то тоже отсутствіе имѣло вліяніе и на избраніе чтеній уже устраненныхъ изъ текста и замѣненныхъ болѣе вѣрными или вѣроятными. Такъ, въ переводѣ г. Фета оды II, 6, 19 читаемъ: «любимый безмѣрно Вакхомъ Авлонъ» сообразно нынѣ оставленному чтенію: amicus Aulon fertili Baccho; оды II, 13, 14— «трепещетъ лишь Босфора Пунійскій плаватель», сообразно неудобопонятному: navita Bosporum Poenus perhorrescit; оды II, 20, 14 — «уже несясь быстрѣй Дедалова Икара», слѣдуя невѣрному чтенію: iam si Daedaleo ocior Icaro; сатиры I, 6, 75 — «восемь разъ принося за ученье деньги по Идамъ», слѣдуя невѣрному чтенію: ibant octonis referentes idibus aera; посланіе I, 20, 29 — «въ годъ, какъ Лепида товарищемъ Лоллій привелъ за собою», сообразно нынѣ уже оставленному чтенію duxit; посланія II, 2, 44 — «охоту возбудили во мнѣ познавать, что прямо, что криво», слѣдуя невѣроятному чтенію: ut vellem curvo dinoscere rectum, и нѣкоторыя др. Лишь въ очень немногихъ мѣстахъ переводчикъ считаетъ нужнымъ указать, что онъ отступаетъ отъ общераспространеннаго (въ довольно отдаленное время) чтенія; такъ, въ одахъ IV, 2, 12 г. Фетъ заявляетъ, что онъ, слѣдуя Пеерлкампу, читаетъ въ подлинникѣ Ille, а не Iule; въ посланіяхъ I, 7, 29 — что онъ, принимая поправку Бентли, читаетъ nitedula вмѣсто volpecula.

Но, если мы поставили переводчику въ укоръ недостаточное знакомство съ новѣйшими работами по критикѣ Гораціева текста, то, съ другой стороны, должны заявить, что, въ доступныхъ г. Фету изданіяхъ, онъ изучилъ его съ большимъ вниманіемъ и добросовѣстностью. Свидѣтельствуетъ объ этомъ отсутствіе въ его переводѣ значительныхъ ошибокъ, которыя происходили бы

отъ невѣрнаго пониманія подлинника. Хотя кое гдѣ и попадаются промахи въ этомъ отношеніи, однако они не до такой степени грубы, чтобы заставить перемѣнить высказанное выше сужденіе о вниманіи и добросовѣстности г. Фета. Объ этомъ можно судить по слѣдующимъ примѣрамъ: Оды II, 2, 1:

Къ блеску сребра, что скупой зарываетъ,
Правъ ты, Саллюстій, питая презрѣнье . . . .

Въ подлинникѣ: avaris abdito terris, при чемъ avaris согласовано съ terris и указываетъ на то, что земля неохотно даетъ скрывающіяся въ ея нѣдрахъ богатства, требуя значительныхъ трудовъ и усилій со стороны человѣка. Комментаторы не безъ основанія видятъ здѣсь намекъ на пріиски, которыми владѣлъ Саллюстій въ Грайскихъ Альпахъ (aes Sallustianum y Plin. N. H. XXXIV, 2). Оды II, 3, 9:

Гдѣ съ бѣлымъ тополемъ огромная сосна
На тѣнь отрадную спѣшитъ соединиться
Вѣтвями длинными, и рѣзвая волна
Съ трудомъ въ излучинахъ струится,
Туда духовъ, вина и радостныхъ цвѣтовъ
Вели намъ принести недолговѣчной розы...
Quo pinus ingens albaque populus
Umbram hospitalem consociare amant
Ramis? quid obliquo laborat
Lympha fugax trepidare rivo?
Huc vina et unguenta et nimium brevis
Flores amoenae ferre iube rosae....

Здѣсь вопросы: quo и quid указываютъ на безполезность исчисляемыхъ прелестей природы, если только ими человѣкъ не умѣетъ или не хочетъ наслаждаться, а черезъ huc ferre iube поэтъ побуждаетъ Деллія къ этому наслажденію, тутъ же на мѣстѣ.

Оды: II, 17, 7: съ другою половиной
Къ чему останусь я, ни самъ себѣ не милъ,
Ни въ силахъ прошлое возстановить кручиной?
quid moror altera
Nec carus aeque nec superstes
Integer?

Назвавъ Мецената pars animae meae, Горацій, естественно, не можетъ считаться «цѣльнымъ», integer, если переживетъ своего друга (superstes). Поэтому переводъ г. Фета вводитъ мысль, совершенно чуждую подлиннику.

Оды III, 12, 11: и знаетъ, что въ засадѣ
Кабанъ кустами окруженъ.
et celer arto latitantem
Fruticeto excipere aprum.

Excipere здѣсь соотвѣтствуетъ нашему: «поддѣть на рогатину» кабана, который скрылся въ чащѣ кустарника.

Оды III, 19, 5: Но какъ съ хіосскимъ продается
Виномъ боченокъ — хоть дрожишь
Отъ стужи — гдѣ для насъ найдется
И домъ и баня — ты молчишь.
Quo Chium pretio cadum
Mercemur, quis aquam temperet ignibus
Quo praebente domum et quota
Paelignis caream frigoribus taces.

Въ этихъ стихахъ Горацій указываетъ на то, что Телефъ молчитъ о томъ, по какой цѣнѣ имъ слѣдуетъ купить вино для предполагаемаго пикника, кто согрѣетъ воду для пиршества (а не для бани), гдѣ и когда будетъ пикникъ, на которомъ можно будетъ найти себѣ защиту отъ сильной стужи.

Оды III, 29, 25: Для гражданъ ты силишься знать

И Рима (блюститель закона).
Tu, civitatem quis deceat status
Curas et urbi sollicitus times.

Здѣсь Горацій говоритъ о томъ, что Меценатъ заботится о положеніи государства и, подъ вліяніемъ тревожныхъ слуховъ, опасается за Римъ.

Оды IV, 6, 27: Камены римской будь всегдашній покровитель
Летучій Агіей.
Dauniae defende decus Camenae
Levis Agyieu.

Здѣсь levis указываетъ на вѣчную юность Аполлона, изображавшагося всегда безъ бороды и усовъ.

Оды IV, 7, 19: Все то наслѣдника рукъ проминуетъ скупыхъ
Cuncta manus avidas fugient heredis.

Эпитетъ avidus указываетъ на жадность, съ которой наслѣдникъ выжидаетъ полученія денегъ.

Эподы IX, 13: Колья въ ограду тащить да оружіе,
Словно морщлявый эвнухъ.
Fert vallum et arma miles et spadonibus
Servire rugosis potest.

Горацій указываетъ на позоръ римскаго войска, которое отдано въ распоряженіе Клеопатрѣ и должно повиноваться ея евнухамъ, составлявшимъ придворный штатъ египетской царицы.

Эподы X, 18: Моляся къ Зевесу самому,
Коль Іонійскій Нотъ сырой,
Взревѣвши разорветъ корму!
Preces et aversum ad Jovem,
Ionius udo cum remugiens sinus
Noto carinam ruperit.

У Горація не упоминается объ Іонійскомъ Нотѣ, а объ Іонійскомъ морѣ.

Сатиры 1, 9,5: Да пока, говорю, хорошо, да и ты тоже здравствуй.
Suaviter, ut nunc est, inquam et cupio omnia quae vis.

Послѣдняя фраза употреблялась у Римлянъ, какъ вѣжливая форма прощальнаго привѣтствія.

Сатиры II, 1, 39: Но пусть никогда этотъ грифель не тронетъ
Никого изъ живыхъ.
Sed hic stilus haud petet ultro
quemquam animantum.

Въ подлинникѣ мысль другая: Горацій выражаетъ не желаніе, а обѣщаніе, ручаясь за безобидный характеръ своихъ сатиръ.

Изъ приведенныхъ примѣровъ можно видѣть, что особенно рѣзкихъ промаховъ въ пониманіи подлинника мы у г. Фета не усматриваемъ и переводъ его, въ общемъ, можетъ быть признанъ переводомъ вѣрнымъ. Понявъ писателя въ его формѣ, переводчикъ понялъ и время и среду, въ которыхъ жилъ и дѣйствовалъ Горацій, и мы не встрѣчаемъ мѣстъ, въ коихъ римскому поэту были бы навязаны русскимъ переводчикомъ мысли и выраженія, не гармонирующія съ общимъ характеромъ и частными деталями эпохи Августа.

Но, при вѣрности перевода г. Фета вообще, онъ не вездѣ можетъ быть признанъ абсолютно близкимъ къ подлиннику. Какъ по отношенію къ близости буквальной, такъ и близости по тону и колориту, можно сдѣлать переводчику не мало замѣчаній. Предварительно, однако, рецензентъ считаетъ себя обязаннымъ заявить, что многія отдѣльныя мѣста римскаго поэта переданы г. Фетомъ весьма близко, что, въ общемъ, тонъ поэзіи Горація

схваченъ весьма удачно и вполнѣ можетъ дать понятіе русскому читателю объ общемъ характерѣ поэзіи Меценатова любимца.

Особенно много замѣчаній вызываютъ переводы лирическихъ произведеній, что и естественно. Переводя, какъ мы укажемъ въ подробности нѣсколько ниже, оды и эподы Горація риѳмованными стихами, г. Фетъ не имѣлъ возможности передать въ нихъ всѣ выраженія и образы оригинала; онъ старался схватить лишь существенныя его черты и, въ большинствѣ случаевъ, дѣлалъ это удачно. Вслѣдствіе такой оболочки своихъ переводовъ переводчикъ, естественно, долженъ былъ кое-что выпустить, иное прибавить, иногда замѣнить одну картину другою, мѣстами переставить выраженія, измѣнить конструкцію и тому подобное. Строго говоря, все это суть нарушенія требованія возможной близости къ оригиналу, но они извинительны тогда, когда или вызваны необходимостью, или касаются такихъ деталей, которыя не представляютъ чего либо существенно характернаго и поэтому не извращаютъ пониманія подлинника. Посему, въ излагаемыхъ ниже замѣчаніяхъ мы не будемъ приводить всѣхъ мѣстъ, представляющихъ уклоненія отъ оригинала, но перечислимъ лишь тѣ, въ которыхъ, по нашему убѣжденію, переводчикъ перешелъ за предѣлы предоставленной ему свободы и которыя желательно было бы видѣть исправленными при послѣдующихъ изданіяхъ.

Оды: I, 8, 6: «коня изъ Галліи *лѣсистой*». Эпитета этого нѣтъ въ подлинникѣ и онъ не прибавляетъ ничего, представляясь epitheton otiosum, потому что кони въ лѣсахъ обыкновенно не водятся. Это слово, правда, понадобилось для риѳмы съ послѣдующимъ: *золотистой* — но врядъ ли позволительно жертвовать для риѳмы поэтическою правдой.

I, 10, 2: «Меркурій межъ *древнихъ* дикарей ревнитель просвѣщенія». Въ подлинникѣ: qui feros cultus hominum recentum formasti. Эпитетъ, какъ разъ, противоположнаго значенія: имъ указывается не на *древность* людей, а на то, что они только что были созданы и потому еще даже и говорить не умѣли.

ibid. 10. «Въ младенчествѣ твоемъ... угрозы пастыря ты,

мальчикъ, *испугался»* — puerum minaci voce dum terret. Здѣсь мысль передана неудачно: изъ того, что, слушая угрозы Аполлона, малютка Меркурій воспользовался его возбужденнымъ состояніемъ и укралъ у него колчанъ, видно, что онъ вовсе не испугался брани, потому-то въ подлинникѣ и стоитъ: terret, что указываетъ лишь на дѣйствіе Аполлона, а послѣдующее: viduus pharetra — на результатъ этого дѣйствія.

I, 12, 26: «другаго на *скорыхъ* кулачныхъ сраженьяхъ». Тоже epitheton otiosum, не находящійся въ подлинникѣ — кулачныя состязанія могутъ быть и продолжительны.

I, 16, 25: «Но послѣ, *грустную* отвагу замѣнивъ покорной кротостью» — nunc ego mitibus mutare quaero tristia. Выше Горацій говорилъ о своихъ ямбахъ, отъ продолженія которыхъ онъ теперь отказывается, вслѣдствіе чего tristis не имѣетъ здѣсь значеніе «грустнаго», но «ѣдкаго, оскорбительнаго».

I, 17, 23: «Сюда *преградитъ* Семелей Тіонейскій суровому Марсу дорогу» — nec Semeleius cum Marte confundet Thyoneus proelia. Картина въ подлинникѣ иная: Вакхъ представляется сражающимся съ Марсомъ, и притомъ, безпорядочно, чѣмъ указывается на то, что и при попойкѣ дѣло можетъ дойти до пролитія крови, какъ и въ битвѣ.

I, 18, 15: «онъ возбуждаетъ въ пьяномъ порывы гордые хвалить свои дѣла» — quae subsequitur caecus amor sui et tollens vacuum plus nimio gloria verticem. Переводъ весьма слабо передаетъ мысль оригинала, въ которомъ говорится, что, подъ вліяніемъ Вакха, человѣкъ ослѣпляется себялюбіемъ, ищетъ славы, которая ни чѣмъ не заслужена и которая тѣмъ не менѣе высоко поднимаетъ свою голову.

I, 20, 2: «его моя рука въ сосуды наливала» — Graeca quod ego ipse testa conditum levi. Въ переводѣ не передана картина: conditum levi и пропущенъ эпитетъ Graeca, указывающій на дешевую посуду, выдѣлывавшуюся въ Великой Греціи.

I, 22, 1: «Кто сердцемъ уцѣлѣлъ средь искушеній зла и чер-

наго обмана» — integer vitae scelerisque purus. Русскій переводъ представляется перифразомъ.

ibid. 7: «Гидаспъ брега свои *кропитъ* волною». Латинское lambit указываетъ на медленное и ровное теченіе рѣки, волны которой «лижутъ» берега.

ibid. 11: «бѣжалъ *во мглу древесъ*» — этой картины нѣтъ въ подлинникѣ и она не необходима.

I, 24, 7: «Честь неподкупная, ни Правда» — incorrupta Fides nudaque Veritas. Эпитетъ nuda, оставленный безъ перевода, здѣсь далеко не излишенъ, какъ совершенно параллельный съ incorrupta.

ibid. 9: «Онъ палъ, оплаканный вездѣ единогласно» — multis ille bonis flebilis occidit. Въ переводѣ является чрезмѣрное усиленіе мысли подлинника, а въ I, 26, 5: «узналъ ли Тиридатъ про козни боевыя?» — quid Tiridaten terreat? — чрезмѣрное его ослабленіе.

I, 31, 1: «Чего пѣвцу, склонясь, просить у Аполлона?» — quid dedicatum poscit Apollinem vates? Картины: «склонясь» въ оригиналѣ нѣтъ, а dedicatum, указывающее на недавнее освященіе Палатинскаго храма, не нашло себѣ мѣста въ переводѣ.

I, 32, 14: «Обители боговъ отрадная самой» — dapibus supremi grata testudo Iovis. Переводъ слишкомъ далекъ отъ подлинника, въ которомъ указывается на пиршества высочайшаго Зевса, за коими раздаются звуки лиры.

I, 34, 14: «Властенъ высокое богъ преклонить и затмить лучезарное, тьму озаривши». Valet ima summis mutare et insignia attenuat deus obscura promens. Вторая картина, хотя и не совсѣмъ отвѣчающая подлиннику, еще возможна, но послѣдняя: «тьму озаривши» совершенно несоотвѣтствуетъ Гораціеву: obscura promens, чѣмъ обозначается, что божество властно выдвинуть кого нибудь изъ мрака неизвѣстности.

I, 35, 28: «двойнымъ испуганы ярмомъ» — ferre iugum pariter dolosi. Переводъ далекій отъ подлинника, въ которомъ объ

испугѣ нѣтъ рѣчи, а говорится о коварствѣ друзей, нежелающихъ раздѣлить чужое горе.

I, 36, 9: «Про тоги, прельщавшія взоры» — mutataeque simul togae. Переводъ неудачный, такъ какъ въ подлинникѣ говорится о томъ, что Плоцій Нумида достигъ совершеннолѣтія одновременно съ Эліемъ Ламіей.

I, 37, 26: «взираетъ смѣло на *грустный* свой чертогъ» — ausa et iacentem visere regiam. Въ подлинникѣ гораздо сильнѣе, ибо указывается на разрушеніе чертоговъ Клеопатры.

II, 1, 4: «и *важные* на дѣлѣ союзы дружества вождей» — gravesque principum amicitias. Здѣсь gravis указываетъ на то, что дружба тріумвировъ, послужившая источникомъ гражданскихъ войнъ, была гибельна для государства.

II, 3, 26: «Позднѣй ли, раньше ли, какъ жребій *безъ сознанья* изъ урны выскочитъ». Выраженія: «безъ сознанья» нѣтъ въ подлинникѣ, да оно и неумѣстно, потому что, разъ рѣчь идетъ о жребіи, сознаніе при этомъ не имѣетъ мѣста.

II, 5, 19: «какъ ночью мѣсяцъ ясный *на глубинѣ* морской» — ut pura nocturno renidet luna mari. Прибавка словъ: «на глубинѣ» является излишней, такъ какъ мѣсяцъ свѣтитъ не только на глубинѣ моря, но отражается и на прибрежной его части.

ibid. 22. «Не диво *знатоку, и даже молодцу* его не отличить» — mire sagaces falleret hospites. Подъ hospites Горацій разумѣетъ Нестора и Одиссея, которые искали на Скиросѣ переодѣтаго Ахилла.

II, 8, 14: «простыя Нимфы» — simplices Nymphae. Этимъ эпитетомъ Горацій обозначаетъ не столько простоту, сколько благодушіе, наивность Нимфъ.

II, 11, 18: «Кто, мальчики, скорѣй покалы цѣльнаго и чуждаго(?) Фалерна опуститъ утушить въ сверкающій ручей?» — quis puer ocius restinguet ardentis Falerni pocula praetereunte lympha? Въ русскомъ переводѣ картина измѣнена, и, притомъ, не къ лучшему: опускать бокалы съ виномъ въ ручей есть дѣло

необычное, тогда какъ примѣшивать въ вино воду изъ мимо протекающаго ручья было дѣломъ весьма обыкновеннымъ.

II, 12, 10: «Ты самъ, о Меценатъ, разскажешь намъ вѣрнѣй» — tuque pedestribus dices historiis. Упоминаніе «о прозаической исторіи» Мецената существенно важно, и потому не могло быть опущено въ переводѣ.

II, 18, 3: «На рядъ столповъ не налегаетъ изъ мрамора гиметтскаго брусокъ» — non trabes Hymettiae premunt columnas ultima recisas Africa. И тутъ также не слѣдовало опускать подробности о томъ, что колонны были вытесаны на крайнихъ предѣлахъ Африки, такъ какъ эта подробность сообщаетъ существенную черту картинѣ рисуемаго поэтомъ богатства.

III, 1, 13: «Тотъ, окруженный кліентами *давними*, гордъ ихъ толпою» — въ подлинникѣ нѣтъ эпитета «давними», который представляется излишнимъ.

III, 2, 17: «А доблесть грязныхъ всѣхъ чуждается страстей, одною славою блистая благородной» — Virtus repulsae nescia sordidae intaminatis fulget honoribus. Въ подлинникѣ выраженія гораздо болѣе опредѣленны: дѣло идетъ о почетныхъ должностяхъ, honores, которыя кому либо не достаются — repulsa sordida.

III, 4, 3: «И пѣсню звонкую пропой». Въ подлинникѣ эпитетъ longum, сообщающій другой оттѣнокъ, измѣнить который переводчикъ врядъ ли былъ въ правѣ.

ibid. 9. «Разъ на Вольтурѣ, близь полей родныхъ, ко сну меня склонило». Въ переводѣ пропала интересная черта подлинника: altricis extra limina pergulae ludo fatigatumque somno; въ ст. 61 опущены эпитеты Аполлона: Delius et Patareus; въ 10-й одѣ той же книги, ст. 12, опущенъ эпитетъ Tyrrhenus, приданный отцу Лики.

III, 11, 39: «Я тестя усыпила, ты обмани сестеръ». Въ подлинникѣ этого противоположенія нѣтъ (socerum et scelestas falle sorores), да оно и не необходимо.

III, 12, 6: «Блестящій Гебръ тебя плѣнилъ. Бѣжитъ ли съ плечъ его душистыхъ влага Понта».—Liparaei nitor Hebri simul

unctos Tiberinis umeros lavit in undis. Въ переводѣ опущенъ эпитетъ Liparaei, и затѣмъ прибавлены чуждыя подлиннику подробности: душистыя плечи и влага Понта. Тамъ идетъ рѣчь лишь о томъ, что Гебръ, какъ атлетъ или палестритъ, омываетъ свои намазанныя масломъ плечи въ волнахъ Тибра.

III, 19, 22: «Пусть услышитъ Ликъ съ сосѣдкою разгула звуки... а Рода по тебѣ вздыхаетъ» — Audiat invidus dementem strepitum Lycus et vicina seni non habilis Lyco. Spissa te nitidum coma... tempestiva petit Rhode. Въ переводѣ выражены далеко не всѣ, и притомъ существенныя детали подлинника.

III, 25, 9: «Такъ не смущается Тіада на вершинѣ Ѳракійской видомъ горъ въ сіяніи снѣговъ». — Non secus in iugis exsomnis stupet Evhias Hebrum prospiciens et nive candidam Thracen ac pede barbaro lustratam Rhodopen. И тутъ пропущено много существенныхъ подробностей оригинала.

ibid. 13: «О мощный царь Наядъ, почившихъ надъ волнами!» Послѣднихъ трехъ словъ нѣтъ въ подлинникѣ и они представляются довольно странною прибавкою, ибо что значитъ, что Наяды почили (?) надъ (?) волнами?

III, 26, 1: «Еще недавно жилъ я *съ пользою* для дѣвъ» — vixi puellis nuper idoneus. Idoneus обозначаетъ здѣсь то, что лѣта и силы еще недавно дозволяли поэту предаваться наслажденіямъ любви; о *пользѣ* же для дѣвъ не можетъ быть и рѣчи.

ibid. 7: «лукъ, столь годный для войны, громящій по ночамъ упрямыя твердыни» — arcus oppositis foribus minaces. Какъ разъ по ночамъ и невозможно стрѣлять изъ лука, такъ какъ въ темнотѣ невозможно прицѣлиться; недаромъ этой невѣрной подробности нѣтъ въ подлинникѣ.

III, 29, 17: «Отецъ Андромеды всегда блеститъ съ Прокіономъ не даромъ; ужь Льва показалась звѣзда» — iam clarus occultum Andromedae pater ostendit ignem, iam Procyon furit et stella vesani Leonis. Въ переводѣ опущено много деталей оригинала, вслѣдствіе чего исчезла его картинность.

IV, 1, 3: «Уже не тотъ я сталъ и нѣтъ во мнѣ огня, которымъ я горѣлъ предъ доброю Цинарой»—non sum qualis eram bonae sub regno Cinarae. Переводъ вводитъ картину, которой нѣтъ въ подлинникѣ и которая ничѣмъ не вызывается.

ibid. 9: «Ты своевременнѣй на парѣ лебедей домъ Павла Максима роскошный и свободный могла бы посѣтить» — tempestivius in domum Paulli purpureis ales oloribus commissabere Maximi. Не простые лебеди везутъ царицу красоты, но пурпуровые или, какъ объясняютъ здѣсь нѣкоторые, ослѣпительно блестящіе; эпитетовъ же: роскошный и свободный (?) нѣтъ въ подлинникѣ.

ibid. 23: «Берецинтійскій рогъ наполнитъ звукомъ храмъ». Въ подлинникѣ рѣчь идетъ не о «рогѣ», а о флейтѣ — Berencyntia tibia.

IV, 2, 28: «съ Матинской сходенъ пчелою, пьющей на тминѣ отрадную влагу» — ego apis Matinae more modoque grata carpentis thyma per laborem plurimum. Переводъ не полно передаетъ подлинникъ, опуская весьма существенную подробность: per laborem plurimum, объясняющую стоящее ниже: operosa carmina; съ другой стороны, подлинникъ не говоритъ ничего про «отрадную влагу», которую пьетъ пчела.

ibid. 44: «Дни воспоешь ты веселья и Рима общія, къ радости общей, игрища, также предъ Августомъ смолкшій на стогнахъ говоръ судбища» — Concines laetosque dies et urbis publicum ludum super impetrato fortis Augusti reditu forumque litbus orbum. По точному смыслу подлинника, игрища празднуются по поводу возвращенія Августа изъ Галліи, а форумъ освобождается отъ процессовъ не передъ Августомъ, а вслѣдствіе такъ называемаго iustitium. Странно, что въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ г. Фетъ далъ правильное толкованіе мѣста, не точно переданнаго въ переводѣ.

IV, 3, 7: «Вѣнецъ стяжавшему дельфійскій за то, что грозные цари отражены» — neque res bellica Deliis ornatum foliis ducem quod regum tumidas contuderit minas. Въ подлинникѣ го-

ворится о делосскомъ вѣнцѣ и затѣмъ о сокрушеніи, а не отраженіи кичливо грозныхъ царей Востока.

ibid. 10: «Рощи темныя и плескъ тибурскихъ водъ» — quae Tibur aquae fertile praefluunt et spissae nemorum comae. Въ переводѣ подлинникъ утратилъ значительную долю своей картинности.

IV, 4, 20: «Откуда къ нимъ зашелъ обычай, что топоръ имъ амазонскій данъ въ десницу *вмѣсто пики*, не стану спрашивать.» Словъ «вмѣсто пики» въ подлинникѣ нѣтъ и они представляются странными, какъ будто Винделики обязательно должны были сражаться пикой.

IV, 5, 18: «Обильные плоды Цереры край питаютъ». Въ подлинникѣ къ Церерѣ присоединена еще alma Faustitas. Въ ст. 25 опущенъ эпитетъ gelidus, приданный Скиѳу, а въ 28 ferus, приданный Иберійцу.

ibid. 30: «Къ сухому дереву побѣги лозъ склоняетъ». Въ подлинникѣ деревья названы viduae потому, что въ предшествующія гражданскія войны винодѣліе въ Италіи было почти оставлено. Лозы же садились и садятся по нынѣ возлѣ зеленѣющихъ, а не сухихъ деревьевъ.

IV, 6, 34: «Оленей на скаку чей укрощаетъ лукъ». Въ подлинникѣ стоятъ еще lynces, т. е. рыси.

ibid. 38: «И той, чей факелъ намъ блеститъ во тьмѣ ночной» — rite crescentem face Noctilucam. Въ переводѣ не выражено обычное наращеніе луны, о которомъ говорится въ подлинникѣ.

IV, 8, 3: «Я бъ подарилъ, какъ Грекъ, треножникъ выписной» — donarem tripodas, praemia fortium Graiorum. Подлинникъ не говоритъ о «выписныхъ» треножникахъ, а о томъ, что у Грековъ они давались какъ награда за побѣду на состязаніяхъ.

IV, 9, 7: «Симонидъ съ Алкеемъ». Переводчикъ опустилъ существенно важный, эпитетъ приданный музѣ Алкея — minaces Camenae.

IV, 10, 5: «Увидя въ зеркалѣ *увядшія* черты» — Ligurinum in faciem verterit hispidam. Рѣчь идетъ о возмужаніи Лигурина,

который, когда обрастетъ бородой, перестанетъ быть женоподобнымъ красавцемъ.

IV, 11, 7: «Предъ агнцемъ жертвеннымъ, подъ вѣтвями оливы, святой алтарь стоитъ» — ara castis vincta verbenis avet immolato spargier agno. Переводъ оказывается слишкомъ далекимъ отъ подлинника.

IV, 12, 4: «рѣчки на просторѣ безъ снѣгу тихая сіяетъ полоса» — nec fluvii strepunt hiberna nive turgidi. Переводчикъ измѣнилъ картину, но врядъ ли удачно, такъ какъ большинство рѣкъ въ Италіи суть горныя рѣки.

IV, 13, 18: «Гдѣ красотой облеченное тѣло?» — decens quo motus? Подлинникъ говоритъ о граціозности движеній.

IV, 14, 47: «Ты даже сѣдой океанъ усмирилъ, что рвется къ Британцамъ волною холодной» — Te beluosus qui remotis obstrepit Oceanus Britannis. Горацій зоветъ Океанъ не сѣдымъ, а населеннымъ различными чудовищными животными; далѣе, выраженіе: «рвется къ Британцамъ» неудачно передаетъ obstrepere, обозначающее шумъ Океана у береговъ Британніи. «Холодной волны» нѣтъ въ подлинникѣ, а есть эпитетъ Британцевъ remoti, не переданный по русски. Также не переданъ и эпитетъ durae, приданный въ ст. 50 Hiberiae.

ibid. 52: «Доспѣхи бросать предъ тобой замышляютъ» — compositis venerantur armis. Переводъ гораздо слабѣе подлинника, въ которомъ, какъ фактъ совершившійся, упоминается подчиненіе Сикамбровъ Августу.

IV, 15, 22: «Не смѣетъ нашего ослушаться закона» — non... edicta rumpent Julia. Здѣсь существенно важенъ этотъ эпитетъ, и потому необходимо долженъ быть переданъ.

Carm. Saec. 5. «Въ книгахъ Сивиллиныхъ, должному насъ научившихъ». Послѣднихъ трехъ словъ нѣтъ въ оригиналѣ. Точно такъ же въ ст. 14 прибавлены слова: «какъ всегда охраняла». Въ обоихъ случаяхъ прибавки не вызваны ничѣмъ и представляются неумѣстными въ молитвѣ, гдѣ на каждое слово и выраженіе обращается особенное вниманіе.

epod. 2, 4: «Не зная алчности пустой» — solutus omnī faenore. Русскій переводъ представляетъ собою перифразъ подлинника.

ibid. 35. Опущенъ эпитетъ pavidus, приданный зайцу.

ibid. 41: «И дочь Апуліи... она сухихъ вѣтвей надложитъ на очагъ, съ охоты мужа поджидая» — Pernicis uxor Apuli sacrum vetustis exstrūat lignis focum lassi sub adventum viri. И это есть перифразъ подлинника.

4, 14: «весь иноходцами путь испятналъ» — Appiam mannis terit. Вовсе не эстетическая картина перевода въ подлинникѣ замѣнена иною, по которой частыя поѣздки Мены стираютъ Аппіеву дорогу, ведущую изъ Рима въ его помѣстье.

6, 9: «Ты хоть и по лѣсу въ голосъ несешься» — tu cum timenda voce complesti nemus. Переводъ слабѣе подлинника, въ которомъ особую силу имѣетъ слово timenda, оставленное г. Фетомъ безъ перевода.

7, 7: «неподатливый Британецъ» — intactus Britannus. И здѣсь переводъ слабѣе подлинника, въ которомъ говорится о томъ, что Римская власть и оружіе еще не коснулись Британніи.

9, 17: «Этимъ смутясь, повернули двѣ тысячи Готѳовъ коней». Въ подлинникѣ рѣчь идетъ о Галлахъ или Галатахъ, перешедшихъ на сторону Цезаря.

ibid. 21: «іо тріумфъ, что ты ждешь съ колесницами, гдѣ же твой жертвенный волъ?» — io triumphe, tu moraris aureos currus et intactas boves? Эпитетъ aureos здѣсь существенно важенъ, какъ характерная особенность тріумфа, и потому опущенъ напрасно; кромѣ того, у Горація рѣчь идетъ объ intactae boves, т. е. объ телкахъ, которыя еще не знаютъ ярма.

ibid. 33: Картина подлинника: capaciores affer huc puer scyphos замѣнена простымъ оборотомъ: «дай же намъ, мальчикъ, побольше Хіосскаго».

10, 13: «Какъ обратился съ Трои гнѣвъ Паллады на Аяксовъ челнъ». Въ переводѣ опущены два существенные эпитета: usto ab Ilio — in impiam ratem.

ibid. 21: «Когда же на брегу морскомъ тебя слетятся чайки ѣсть» — Opima quodsi praeda curvo litore porrecta mergos iuveris. Картинность выраженій подлинника исчезла въ переводѣ.

11, 12: «тебѣ я твердилъ» — querebar applorans tibi. Въ оригиналѣ рѣчь идетъ о жалобахъ и мольбахъ.

ibid. 18: опущенъ эпитетъ severus, въ ст. 25 libera, въ ст. 26 graves, въ ст. 27 teretis.

ibid. 21: «гдѣ ляжки протеръ съ двухъ сторонъ» — quibus lumbos et infregi latus. Русское выраженіе, довольно неудачное, не даетъ надлежащаго понятія о смыслѣ латинскаго подлинника.

13, 11: «Рослому пѣлъ же питомцу центавръ *средь пустыни*». Послѣднихъ словъ нѣтъ въ оригиналѣ, да они и невѣрны, такъ какъ Ахиллъ, какъ извѣстно, обучался у Хирона на горѣ Пеліонѣ, а не въ пустынѣ.

Въ ст. 14 опущенъ эпитетъ parvi, въ 15 — lubricus, въ 16 — certo.

14, 5: опущенъ эпитетъ: candide, который существенно необходимъ въ виду слѣдующаго за симъ occidis, которое не слѣдовало переводить: убьешь.

16, 6: «Ни Аллоброгъ, что въ дѣлахъ новыхъ измѣнникомъ сталъ» — rebusque novis infidelis Allobrox. Переводъ весьма неудачный: res novae обозначаетъ здѣсь тотъ государственный переворотъ, который имѣлъ въ виду произвести Катилина и который сдѣлался извѣстнымъ властямъ, благодаря измѣнѣ ему Аллоброговъ.

ibid. 19: «Оставляя поля и Ларъ и храмы жилые на житье кабанамъ». Слово: «жилые» здѣсь непонятно и не находитъ себѣ никакаго соотвѣтствія въ оригиналѣ.

17, 16: «При Одиссеѣ гребцы работящіе» — laboriosi remiges Ulixei. Здѣсь laboriosus отнесено къ самому Улиссу и указываетъ на тѣ затрудненія, которыя онъ испыталъ при возвращеніи на родину.

Сатиры I, 1, 20: Опущено безъ перевода нарѣчіе merito, которое здѣсь имѣетъ особенную силу, показывая, что гнѣвъ Юпитера совершенно заслуженъ людскою глупостью.

ibid. 29: слово cauро передано черезъ «трактирщикъ», въ сат. V, 4—черезъ «торгашъ», что вѣрнѣе.

ibid. 50: «живущимъ по природѣ» — въ подлинникѣ сказано болѣе опредѣленно: intra naturae finis.

ibid. 70: «на мѣшкахъ, отовсюду стасканныхъ, жадно ты *безсонный* лежишь» — collectis undique saxis indormis inhians. Здѣсь indormire лучше принимать въ значеніи: засыпать.

ibid. 100: «дерзко напомнивъ собой Тиндариду»—fortissima Tyndaridarum. Здѣсь Горацій не имѣетъ въ виду укорить отпущенницу, но съ комической важностью отдаетъ ей предпочтеніе даже передъ Клитемнестрой.

ibid. 104: слова vappa и nebulo переведены: «кутила и мотъ»; въ сат. 2, 12, они же: «мотъ и негодяй», а въ посл. I, 2, 28, nebulones передано черезъ: «бездѣльники». Желательно видѣть болѣе выдержанности въ передачѣ одного и тогоже термина.

ibid. 120: напрасно переводчикъ опустилъ прозваніе Криспина lippus, которое здѣсь имѣетъ значеніе.

I, 2, 30: также напрасно опущенъ эпитетъ olens, приданный слову fornix и весьма живо его характеризующій.

I, 4, 43: «уста громогласны»—os magna sonaturum. Здѣсь скорѣе рѣчь идетъ о величавости, возвышенности рѣчи, чѣмъ объ ея громогласности.

ibid. 46: acer spiritus переведено черезъ: «мощный вздохъ» несовсѣмъ правильно; здѣсь имѣется въ виду то воодушевленіе, которымъ проникнута истинно поэтическая рѣчь.

ibid. 69 слово: latro передано черезъ: «проходимецъ» не сосовсѣмъ вѣрно; это скорѣе разбойникъ или мошенникъ.

ibid. 90: «милъ и игривъ и развязенъ» — comis et urbanus liberque; въ I, 9, 65 слова: comis et urbanus переданы черезъ: «тонокъ и забавенъ».

I, 5, 27: «доблестный тутъ Меценатъ». Латинское: optimus не соотвѣтствуетъ нашему: «доблестный»; здѣсь оно значитъ: «добрѣйшій».

ibid. 56: «чахлый Сарментъ» — prior Sarmentus. Нѣтъ ли тутъ опечатки?

ibid. 71: «Прямо отсюда вошли въ Беневентъ» — tendimus hinc recta Beneventum. Tendere соотвѣтствуетъ скорѣе нашему: «направляться».

ibid. 98: «Тутъ въ Гнатіи, видно, Нимфами въ злобѣ построенной, смѣхъ намъ былъ» — dein Gnatia nymphis iratis exstructa dedit risus. Iratis nymphis значитъ: «при гнѣвѣ нимфъ», при чемъ нѣтъ необходимости понимать, чтобы сами нимфы строили городъ, что и невозможно.

I, 6, 17: «все дивится на подписи да на слѣпки»—stupet in titulis et imaginibus. Imagines имѣетъ свое техническое значеніе, которое не выражается нашими: «слѣпки».

ibid. 119: «вотъ наконецъ то спать я иду»—deinde eo dormitum. Переводъ не совсѣмъ точный.

I, 8, 39: «дрянь Педіатія вмѣстѣ съ Вораномъ пройдохой»—fragilis Pediatia furque Voranus. Fragilis указываетъ на развратную жизнь Педіатія, которому поэтому придано имя въ женскомъ родѣ, а fur сильнѣе, чѣмъ наше: «проидоха» и обозначаетъ прямо вора.

I, 9, 6: «Иль нужно что? я говорю». Numquid vis? occupo. Здѣсь слѣдовало бы передать особый оттѣнокъ глагола occupo, которымъ поэтъ обозначаетъ, что онъ старается предупредить всякое начало разговора съ болтуномъ и вѣжливо съ нимъ прощается.

ibid. 30: опущенъ эпитетъ mota при словѣ: urna, а въ ст. 31—tarda при словѣ: podagra. Оба они характерны, и потому опущены врядъ ли основательно.

ibid. 38: «войди на минутку» — paullum hic ades. Adesse имѣетъ свое спеціальное значеніе о такъ называемыхъ advocati, которые, являясь на судъ, однимъ своимъ присутствіемъ помо-

гали тяжущимся сторонамъ. Слѣдовательно, здѣсь болтунъ не только приглашаетъ Горація войти въ судъ, но и принять, хотя бы косвенное участіе въ процессѣ, какъ лицо близкое къ Меценату, и потому особенно вліятельное. Этимъ объясняется и послѣдующій отвѣтъ Горація: inteream si novi civilia iura.

ibid. 40: «и ухожу, куда знаешь» — et propero quo scis. Въ подлинникѣ гораздо сильнѣе: et propero, что слѣдовало бы выразить и въ переводѣ.

ibid. 50: «меня не тревожитъ ни мало» — nil mi officit umquam. Въ подлинникѣ рѣчь идетъ не о тревогѣ, а о препятствіи, которое оказывается кому либо со стороны соперниковъ, старающихся занять первое мѣсто. Потому то въ ст. 51 говорится: est locus unicuique suus.

ibid. 64: «Жму неупрямыя руки» — lentissima bracchia. Этимъ эпитетомъ выражается то, что у Фуска руки оказывались нечувствительными къ пожиманіямъ Горація.

I, 10, 6: «Лаберія шуткамъ дивиться».— Laberi mimos mirer. Здѣсь слѣдовало бы удержать спеціальный терминъ mimi.

ibid. 7; «Смѣхомъ надсаживать горло слушателей»— risu diducere rictum auditoris. Переводъ значительно усиливаетъ подлинникъ.

ibid. 44: «Варій могуче эпосъ ведетъ какъ никто» — forte epos acer ut nemo Varius ducit. Напрасно въ переводѣ опущенъ эпитетъ acer, характеризующій поэзію Варія, и затѣмъ не точно передано значеніе глагола ducere, которымъ вводится сравненіе сочиняющаго стихи поэта съ ткачемъ, ткущимъ матерію.

ibid. 53: напрасно опущенъ эпитетъ comis, приданный Луцилію съ точки зрѣнія его почитателей и въ ст. 54— выраженіе: gravitate minores, вводящее основаніе для насмѣшки Луцилія надъ Енніемъ.

II, 1. 3: «другіе находятъ все сочиненное мною безсочнымъ»— sine nervis altera quidquid composui pars esse putat. Если не ошибаемся, русскимъ словомъ: «безсочный» обозначается сочиненіе безсодержательное и неинтересное, тогда какъ словами:

sine nervis Горацій хочетъ выразить, что одни изъ его противниковъ укоряли его въ отсутствіи всякой силы, мужественности, энергіи.

ibid. 4. «отпустить»—deducere. Сравн. то что, было замѣчено по поводу sat. I, 10, 44.

ibid. 5: «Что же мнѣ дѣлать велишь?»—quid faciam, praescribe. Praescribere имѣетъ здѣсь особый оттѣнокъ, не выраженный въ переводѣ: Требатія, знаменитаго юриста, спрашиваетъ Горацій, употребляя при этомъ термины, заимствованные изъ юридической практики.

ibid. 21: «ѣдкими жучить стихами Пантолаба шута и Номентана мотыгу»—tristi laedere versu Pantolabum scurram Nomentanumque nepotem. Выраженіе «жучить» не точно передаетъ латинское: laedere. Слово scurra, здѣсь переведенное черезъ: «шутъ», во II, 7, 15 переведено черезъ: «кутила», а II, 7, 35—черезъ: «прихлебатель».

ibid. 31: «ввѣряетъ всѣ тайны книгамъ своимъ, *не скрывая*, случалось ли съ нимъ что дурное»—neque si male cesserat usquam decurrens alio. Русскій переводъ представляется перифразомъ подлинника, въ которомъ не говорится о томъ, чтобы Луцилій скрывалъ что нибудь, но о томъ, что онъ не обращался никуда, кромѣ книгъ, для того, чтобы подѣлиться своимъ горемъ или радостью.

ibid. 37: «онъ же здѣсь водворенъ, черезъ пустошь на Римлянъ врагъ не накинулся»—quone per vacuum Romano incurreret hostis. Вѣроятно, въ переводѣ пропускъ или опечатка. Не слѣдуетъ ли читать: черезъ пустошь на Римлянъ врагъ чтобъ не кинулся?

ibid. 61. «О мальчикъ, при долголѣтьи твоемъ я боюсь, чтобъ изъ знатныхъ друзей кто не поразилъ тебя холодомъ.»—O puer, ut sis vitalis metuo et maiorum ne quis amicus frigore te feriat. Переводъ не совсѣмъ ясно выражаетъ мысль подлинника: Требацій съ одной стороны боится за долголѣтіе своего любимца, такъ какъ вообще, по общераспространенному воззрѣнію, осо-

бенно даровитыя дѣти не живучи, и затѣмъ опасается охлажденія къ нему знатныхъ покровителей. Между тѣмъ, въ переводѣ долголѣтіе представляется какъ нѣчто положительное, въ чемъ Требацій увѣренъ (понимать: «при долголѣтьи» въ смыслѣ: «если только ты будешь долголѣтенъ» врядъ ли кому изъ читателей, незнакомыхъ съ латинскимъ подлинникомъ, придетъ въ голову).

II, 2, 11 опущенъ эпитетъ velox, приданный слову pila и для него характерный.

ibid. 88: «поздняя старость» — tarda senectus. Здѣсь эпитетъ tardus имѣетъ переходящее значеніе.

II, 3, 12: «такихъ провожатыхъ» — comites educere tantos. Въ подлинникѣ указывается на количество — «столькихъ».

ibid. 25: «домовъ накуплю я на барыши» — domos mercarier unus cum lucro noram. Въ подлинникѣ говорится, что Дамасиппъ умѣлъ покупать дома съ барышомъ, съ выгодою для себя.

ibid. 32: «большіе глупцы и ты и всѣ вмѣстѣ» — insanis et tu stultique prope omnes. Въ переводѣ опущено нарѣчіе prope, которое значительно ограничиваетъ сужденіе Стертинія.

ibid. 68: «добычу, что явно Меркурій подноситъ» — quam praesens Mercurius fert. Слово: praesens не имѣетъ въ виду указать, что помощь является отъ божества явно, а не тайно, но на то, что божество, помогая, покровительствуетъ излюбленному имъ человѣку.

ibid. 72: «если его потащишь ты въ судъ — онъ осклабится только» — malis ridentem alienis. Этимъ выраженіемъ обозначается, что привлеченный къ суду должникъ, хотя и смѣется, но смѣхъ его неестественъ, потому что за нимъ скрывается внутренняя тревога.

ibid. 80: «или иною болѣзнью» — aut alio mentis morbo. Въ подлинникѣ сказано болѣе опредѣленно.

ibid. 86: «дать угощенье какъ Аррій» — epulum arbitrio Arri. Въ подлинникѣ пиршество, которое обязаны дать наслѣд-

ники, не зависитъ отъ сравненія его съ пиршествомъ, даннымъ Арріемъ, но подчиняется его распоряженіямъ.

ibid. 181: «тотъ да будетъ отверженъ и проклятъ» — is intestabilis et sacer esto. Intestabilis имѣетъ спеціальное значеніе лица, которому воспрещено выступать свидѣтелемъ и дѣлать завѣщанія, слѣдовательно, лицо граждански ошельмованное.

ibid. въ стихѣ 194 оставлено безъ перевода слово clarus, относящееся къ Ахиллу, а въ ст. 196 — patrio, относящееся къ sepulcro.

ibid. 205: «чтобъ отвесть корабли, что засѣли на дальнемъ томъ берегу» — ut haerentis adverso litore navis eriperem. Въ подлинникѣ гораздо сильнѣе и вѣрнѣе преданію.

ibid. 212: опущенъ эпитетъ inanis, характеризующій слово titulos.

ibid. 234: «спи въ сапогахъ ты на снѣгѣ Луканскомъ, чтобъ могъ кабаномъ я ужинать, ты изъ зимней пучины мнѣ вытащи рыбы. Я лѣнтяй недостоинъ владѣть столь многимъ» — in nive Lucana dormis ocreatus, ut aprum cenem ego, tu piscis hiberno ex aequore verris. Segnis ego, indignus qui tantum possideam. Переводъ совершенно произвольно измѣняетъ конструкцію подлинника и этимъ придаетъ ему не надлежащій смыслъ.

ibid. 294: «на берегу холодномъ заставивши звать лихорадку» — in gelida fixum ripa febremque reducet. Переводъ не точенъ: мать не заставляетъ мальчика звать лихорадку на берегу, но тѣмъ, что продержитъ его, еле еще оправившагося, утромъ на холоду, возбуждаетъ въ немъ гибельную болѣзнь.

ibid. 310: опущены слова: in armis, кладущія не безъинтересный штрихъ на обрисовываемую картину: карликъ Турбонъ кичится, надѣвъ на себя вооруженіе, и этимъ еще болѣе возбуждаетъ смѣхъ.

ibid. 323: «о раздраженіи я умолчу». Въ оригиналѣ гораздо сильнѣе: horrendam rabiem, что, какъ укоръ Горація самому себѣ, весьма характерно.

II, 4, 66: «отъ тунца Византійскаго, имъ чтобъ и пахла ку-

бышка»—muria non alia quam qua Byzantia putuit orca. Въ подлинникѣ главная сила лежитъ въ томъ, чтобы тунецъ былъ изъ Византіума, тогда какъ въ переводѣ — въ его запахѣ.

II, 5, 18: «Чтобъ я Дама свинью прикрывалъ?»—Utne tegam spurco Damae latus? Выраженіе: latus tegere есть техническое выраженіе про comites, упоминаемыхъ въ ст. 16 (гдѣ эпитетъ: exterior оставленъ безъ перевода), и потому обозначаетъ просто: провожать, сопровождать.

ibid. 33: «по имени зовъ такъ пріятенъ уху»—gaudent praenomine molles auriculae. Здѣсь не безъ намѣренія употребленъ эпитетъ molles, которымъ обозначается слухъ, доступный для всякой лести.

ibid. 82: «но если однажды — со старикомъ тобою она барышокъ то раздѣлитъ»—quae si semel uno de sene gustarit tecum partita lucellum. Переводъ несовсѣмъ точный: Тиресій говоритъ, что если Пенелопа раздѣлитъ съ Улиссомъ барышокъ, который она получитъ отъ одного старичка, то... и т. д.

ibid. 86: «на юныхъ плечахъ». Въ подлинникѣ: nudis umeris.

II, 6, 24: «Эй, смотрико, чтобы прежде тебя другой не пришелъ поручиться»—Heia, ne prior officio quisquam respondeat urge. Переводъ оказывается не точно передающимъ подлинникъ: respondere officio не имѣетъ значенія: поручиться, но значитъ: соотвѣтствовать своимъ обязанностямъ, исполнять ихъ.

ibid. 35: «подойти» — adesse, имѣющее спеціальное значеніе, разъясненное въ замѣчаніи къ sat. I, 9, 38.

ibid. 36 опущено важное слово magna, относящееся къ res.

ibid. 39: «отвѣтилъ онъ съ просьбой» — addit et instat. Переводъ слабѣе подлинника, въ которомъ рѣчь идетъ о настоятельной просьбѣ.

ibid. 46: «и подобное, что легко пропускается ухомъ»—et quae rimosa bene deponuntur in aure. Въ подлинникѣ мысль иная: такія вещи, которыя легко, т. е. безопасно слагаются даже въ щелявое ухо, т. е. довѣряются даже такому человѣку, который легко можетъ ихъ разболтать.

ibid. 56 опущенъ безъ перевода эпитетъ promissa, приложенный къ слову: praedia.

ibid. 58: «всѣ станутъ изумляться, какъ тайны одинъ я изъ смертныхъ скрываю» — ut unum scilicet egregii mortalem altique silenti. Переводъ значительно слабѣе подлинника.

ibid. 75: «что насъ, польза или достоинство къ дружбѣ приводитъ»—quidve ad amicitias, usus rectumne, trahat nos. Здѣсь rectum есть нѣчто бо̀льшее, чѣмъ достоинство, а именно добродѣтель.

ibid. 77: «Первый сосѣдъ» — Cervius vicinus. «Первый» не есть ли опечатка, вмѣсто «Цервій»?

ibid. 78: «старую сказочку» — aniles fabellas. Словомъ anilis обозначается, что подобныя сказочки особенно любятъ разсказывать старушки.

II, 7, 13: «то онъ щеголемъ въ Римѣ» — iam moechus Romae. Переводъ слабѣе оригинала.

ibid. 18 оставлено безъ перевода слово isdem, существенно необходимое, потому что Давъ говоритъ не о постоянствѣ въ порокахъ вообще, а о томъ, что Воланерій, оставаясь при однихъ и тѣхъ же порокахъ, оказывается непричастнымъ другимъ.

ibid. 29: «до небесъ превозносишь, чудакъ» — tollis ad astra, levis. Послѣднее слово указываетъ на легкомысленность и непостоянство.

ibid. 41: «чинною рѣчью облекая порокъ» — verbisque decoris obvolvas vitium. Эпитетъ decorus обозначаетъ здѣсь не «чинную» рѣчь, но такую, которая даетъ пристойную, приличную оболочку пороку.

ibid. 93: «затѣмъ что гнететъ властелинъ безпощадный духъ твой, тобою вертитъ и слабѣющаго подстрекаетъ» — urget enim dominus mentem non lenis et acris subiectat lasso stimulos versatque negantem. Переводъ представляется перифразомъ, и притомъ гораздо болѣе слабымъ.

II, 8, 88. Опущенъ эпитетъ pinguibus, приданный слову ficis.

Посланія I, 1, 22: «малолѣткамъ, которымъ такъ тяжекъ

надзоръ материнскій» — pupillis quos dura premit custodia matrum. Здѣсь имѣются въ виду не родныя матери, надзоръ которыхъ обыкновенно не бываетъ тяжекъ для дѣтей, но мачихи.

ibid. 24: «время, что, замедляя меня, не даетъ мнѣ усердно заняться» — tempora quae spem consiliumque morantur agendi naviter. Переводъ значительно слабѣе подлинника.

ibid. 38 слово: iracundus не точно переведено черезъ: «золъ».

ibid. 90: «тутъ какимъ же узломъ Протея подобнаго свяжешь?»—quo teneam voltus mutantem Protea nodo? Выраженіе: «подобнаго» неудовлетворительно передаетъ: voltus mutantem подлинника.

I, 2, 1: «Лоллій, пока краснорѣчіе въ Римѣ ты изучаешь»— maxime Lolli dum tu declamas Romae. Напрасно здѣсь оставленъ безъ перевода эпитетъ: maxime.

ibid. 29: «молодежь, что свою лишь кожу холить привыкла» — in cute curanda plus aequo operata iuventus. Выраженіе: «привыкла» весьма слабо передаетъ: plus aequo operata подлинника.

ibid. 45: «дѣвственный лѣсъ подымается плугомъ» — incultae pacantur vomere silvae. Выраженіе: «подымается» врядъ ли удачно передаетъ латинское pacantur.

ibid. 56: слѣдовало бы передать эпитетъ certum, приданный слову: finem.

ibid. 68: «къ извѣстнымъ людямъ стремился» — nunc te melioribus offer. Подъ meliores здѣсь разумѣются люди болѣе просвѣщенные философіей, чѣмъ юноша Лоллій.

I, 3, 12: «живъ ли»? — ut valet? Горацій спрашиваетъ не о томъ, живъ ли Тицій, а о томъ, здоровъ ли онъ?

ibid. 28: «этому дѣлу и малъ и великъ должны мы предаться» — huc parvi properemus et ampli. Какъ видно изъ всего контекста, здѣсь подъ parvi Горацій разумѣетъ бѣдняковъ, а подъ ampli — богачей.

I. 5, 4: Оставлено безъ перевода слово iterum, дающее опору для опредѣленія времени, когда было написано это посланіе.

ibid. 6: «иль судьбѣ покоряйся» — vel imperium fer. Подъ

imperium здѣсь разумѣется не судьба, а распоряженія Горація, приглашающаго къ себѣ Торквата.

ibid. 7: «уже давно тебя ждутъ очагъ и блестящая утварь»— iam dudum splendet focus et tibi munda supellex. Переводъ перефразируетъ подлинникъ.

I, 6, 8: «рукоплесканьямъ и дружбѣ Квирита» — plausus et amici dona Quiritis. Подъ dona amici Quiritis разумѣются тѣ почетныя должности, которыя раздаются благорасположеніемъ гражданъ.

ibid. 15: «правдиваго строгимъ» — aequus iniqui. Въ подлинникѣ противоположеніе проведено болѣе рѣзко и вѣрно.

ibid. 20: «домой возвращайся послѣднимъ» — vespertinus pete tectum. Горацій говоритъ о возвращеніи домой вечеромъ.

ibid. 38: «лишь деньги имѣй — ты любимецъ Венеры» — et bene nummatum decorat Suadela Venusque. Переводъ нѣсколько далекъ отъ оригинала, въ которомъ говорится о томъ, что денежный человѣкъ считается и ораторомъ и красавцемъ.

Въ ст. 54 напрасно оставлено безъ перевода слово importunus, которое здѣсь прекрасно характеризуетъ капризное своеволіе вліятельнаго избирателя. Точно также оставлено безъ перевода слово crudi въ ст. 61, тоже существенно необходимое, такъ какъ указываетъ на купанье непосредственно послѣ обѣда, съ несварившейся еще пищей, что признавалось весьма враднымъ.

ibid. 63: «подобны шальной дружинѣ Улисса» — remigium vitiosum Itacensis Ulixei. Подъ vitiosum Горацій разумѣетъ нѣчто иное, чѣмъ мы подъ словомъ: «шальной» и имѣетъ въ виду невоздержность спутниковъ Улисса, которые и были за нее наказаны.

I, 7, 6. «И жара посылаетъ могильщику ликторовъ черныхъ» — Designatorem decorat lictoribus atris. Подъ designatores были извѣстны антрепренеры погребальныхъ процессій, которые должны были, въ случаѣ нужды, поставлять и ликторовъ, одѣтыхъ въ траурный костюмъ.

ibid. 14: «Калабрійскій хозяинъ, сующій груши» — piris

vesci Calaber iubet hospes. Русскій переводъ: «сующій» несовсѣмъ точно передаетъ: vesci iubet.

ibid. 21: «этотъ посѣвъ неизмѣнно неблагодарныхъ рождаетъ» — haec seges ingratos tulit et feret omnibus annis. Подлинникъ оказывается сильнѣе перевода.

ibid. 32. Напрасно оставлено безъ перевода характерное нарѣчіе procul.

ibid. 40: «сынъ достойный Улисса» — proles patientis Ulixei. Переводъ несовсѣмъ точный.

ibid. 44: «не царственный Римъ мнѣ приличенъ, а безлюдный Тибуръ, или Тарентъ безмятежный» — mihi iam non regia Roma, sed vacuum Tibur placet aut imbelle Tarentum. Въ подлинникѣ рѣчь идетъ не о приличіи, а о томъ, что нравится, къ чему кто либо чувствуетъ влеченіе; кромѣ того, словомъ imbelle указывается не на безмятежность Тарента, а на невоинственность его жителей, которой они были извѣстны еще во времена Пирра.

ibid. 65: «Заутро Вольтея застаетъ Филиппъ, продающаго рухлядь людишкамъ» — Volteium mane Philippus vilia vendentem tunicato scruta popello occupat. О значеніи глагола occupare мы сказали въ замѣчаніи къ сатирѣ I, 9, 6; опущеніе безъ перевода эпитета tunicato не можетъ быть одобрено. Слѣдующая за тѣмъ фраза: «и велитъ ему кланяться первый», хотя и представляетъ буквальный переводъ латинской: et salvere iubet prior, тѣмъ неменѣе не вполнѣ отвѣчаетъ ей по смыслу: salvere aliquem iubere значитъ: желать кому здоровья, кланяться кому, привѣтствовать кого. Слѣдовательно, и здѣсь Филиппъ не велитъ (кому?) кланяться Вольтею, что было бы странно при ихъ личномъ свиданіи, но кланяется ему самъ.

ibid. 93. Напрасно опущено обращеніе Вольтея къ Филиппу: patrone.

I, 8, 13: «какъ управляется съ дѣломъ» — quo pacto rem gerat et se. Переводъ не совсѣмъ точный, ибо тутъ важна пе-

редача словъ: et se, объясняющихъ заключительную мысль посланія: ut tu fortunam sic nos te, Celse, feremus.

I, 9, 4: «какъ на достойнаго быть въ разборчивомъ домѣ Нерона» — dignum mente domoque legentis honesta Neronis. Переводъ довольно далекъ отъ подлинника, въ которомъ, сверхъ domus, упоминается еще и mens Neronis, и разборчивость его простирается на выборъ honesta.

I, 10, 20: «вода стремится по трубамъ свинцовымъ» — aqua tendit rumpere plumbum. Картина подлинника исчезла въ переводѣ, а между тѣмъ она поразительно вѣрна дѣйствительности.

ibid. 39: «не ставитъ свободы выше металла» — potiore metallis libertate caret. Въ подлинникѣ сказано гораздо сильнѣе, чѣмъ въ переводѣ.

I, 11, 21 опущено безъ основанія слово: Romae; въ I, 12, 13 — слово velox.

I, 12, 23: «вѣдь Гросфъ лишь того попроситъ, что должно» — nil Grosphus nisi verum orabit et aequum. Переводъ значительно слабѣе подлинника.

I, 13, 1: «толково и долго» — saepe diuque. Saepe не имѣетъ значенія: толково.

I, 15, 12: опущенъ эпитетъ stomachosus, характеризующій слово: eques.

I, 16, 12: «Такъ обиленъ ручей, что рѣкѣ сообщилъ свое имя» — fons etiam rivo dare nomem idoneus. Горацій говоритъ только о возможности, а не о совершившемся фактѣ.

ibid. 40: «почести ложной кто радъ и ложнымъ испуганъ позоромъ, кромѣ того, кто скрываетъ порокъ?» — falsus honor iuvat et mendax infamia terret quem nisi mendosum et medicandum? Послѣднія слова подлинника переведены не совсѣмъ удачно.

I, 17, 1: «Хоть ты, Сцева, прекрасно совѣтовать самъ себѣ можешь» — quamvis, Scaeva, satis per te tibi consulis. Consulere alicui значитъ: заботиться о комъ либо.

I, 18, 21: «кто метаньемъ костей раззоренъ, кто алчной Венерой» — quem damnosa venus quem praeceps alea nudat.

Русское слово: алчная не точно передаетъ смыслъ латинскаго damnosa.

ibid. 24: «кто стыдится быть бѣднымъ»—quem paupertatis timor et fuga. Въ подлинникѣ сверхъ стыда прибавлено еще желаніе избѣжать бѣдности.

ibid. 38: «ненавистная дикому лира» — suspecta severo lyra. Переводъ несовсѣмъ точный: suspectus означаетъ: подозрительный, и severus не значитъ: дикій, каковымъ и не былъ Зетъ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь.

ibid. 48: «да и поужинай мясомъ, что равнымъ трудомъ вы добыли» — cenes ut pariter pulmenta laboribus empta. Переводъ не совсѣмъ точный.

ibid. 52 «virilia arma» не точно передано черезъ: «боевымъ оружьемъ».

ibid. ст. 64: оставленъ безъ перевода характерный эпитетъ velox, относящійся къ victoria.

ibid. 73: «коль ступилъ за порогъ ты мраморный знатнаго друга» — venerandi limen amici. Переводъ не совсѣмъ точный.

ibid. 80: «чтобы служить лишь знакомому» — ut penitus notum — serves. Переводъ весьма неудачный, происшедшій отъ смѣшенія глаг. servare съ глаг. servire; кромѣ того, напрасно переводчикомъ опущено нарѣчіе: penitus.

I, 19, 8: «никогда самъ Энній — не воспѣвалъ оружья» — Ennius ipse — numquam — prosiluit ad arma dicenda. Здѣсь не передано картинное выраженіе подлинника: prosiluit.

ibid. 28: «mascula Sappho» — «властная Саффо». Словомъ mascula Горацій хочетъ обозначить, что Саффо была одарена силою ума и таланта, свойственною только мущинамъ, а не женщинамъ.

ibid. 34: «и въ рукахъ ихъ храниться» — manibusque teneri. Переводъ не удачный, такъ какъ въ рукахъ мы только держимъ (что и выражаетъ латинское teneri), но не хранимъ.

ibid. ст. 36 напрасно оставлено безъ перевода прилагательное iniquus.

ibid. 44: «считая что медъ стихотворный лишь у тебя» — fidis enim manare poetica mella te solum. Переводъ утратилъ картинность подлинника.

II, 1, 2: «все ненавидитъ и гонитъ» — fastidit et odit. Переводъ усиливаетъ подлинникъ: fastidire значитъ: гнушаться, а не: гнать.

ibid. 58: «Плавтъ съ успѣхомъ идетъ Сицилійцу во слѣдъ Эпихарму» — Plautus ad exemplar Siculi properare Epicharmi. Эта характеристика Плавта въ русскомъ переводѣ нѣсколько измѣнилась въ томъ отношеніи, что указаніе на быстрый ходъ интригъ въ пьесахъ Плавта (properare) опущено, и введено не находящееся въ подлинникѣ выраженіе: «съ успѣхомъ», которое врядъ-ли вѣрно, въ виду того, что Горацій вообще не высоко ставитъ Плавта и врядъ ли допустилъ бы сопоставить его съ Эпихармомъ; онъ сравниваетъ только ихъ пріемы, но не говоритъ ничего объ ихъ относительномъ достоинствѣ.

ibid. 71: «Орбилій драчунъ мнѣ мальчику вбилъ» — quae plagosum mihi parvo Orbilium dictasse. И здѣсь переводъ усиливаетъ оригиналъ: dictare значитъ: диктовать, — пріемъ общераспространенный въ римскихъ школахъ.

ibid. 85: «пришлось старикамъ забывать, чему въ дѣтствѣ учились» — quae iuvenes didicere senes perdenda fateri. Въ подлинникѣ нѣсколько иное: Горацій говоритъ, что старику трудно признаться въ ничтожествѣ того, что, какъ великое и образцовое, онъ изучалъ въ молодости.

ibid. 89 оставлено безъ перевода слово: lividus, характерно оттѣняющее понятіе: odit.

ibid. 225: «и какъ тонка проведенная нить чрезъ поэму» — et tenui deducta poemata filo. Мысль подлинника нѣсколько иная: Горацій говоритъ о необычайной тщательности во внѣшней отдѣлкѣ стихотворенія, употребляя разъясненную выше (замѣчаніе къ сатир. I, 10, 44) метафору, а не говоритъ о послѣдовательномъ проведеніи мысли черезъ все содержаніе.

II, 2, 1: «испытанный другъ дорогаго героя Нерона» — bono

claroque fidelis amice Neroni. Время написанія этого посланія падаетъ на 743 годъ, когда Тиберій былъ еще молодымъ человѣкомъ и не успѣлъ стяжать себѣ славу великаго полководца, вслѣдствіе чего clarus здѣсь лучше понимать въ смыслѣ знатнаго происхожденія Тиберія, а bonus — его доброты.

ibid. 26: «съ усильемъ онъ собранъ» — collecta viatica multis aerumnis. Переводъ значительно ослабляетъ выраженія подлинника.

ibid. 34: «въ какую крѣпость ворваться» — castellum evertere; это значитъ, скорѣе: разрушить крѣпость.

ibid. 64: «очевидно тѣмъ двумъ ненавистно» — id sane est invisum acidumque duobus. Слово acidum сообщаетъ новый оттѣнокъ, оставленный безъ перевода. Такъ же опущенъ въ стихѣ 72 эпитетъ calidus, характеризующій слово redemptor.

ibid. 97: «Мы получаемъ удары и тѣмъ же врагу отвѣчаемъ» — caedimur et totidem plagis consumimus hostem. Переводъ перифразируетъ подлинникъ и представляется значительно слабѣе въ сравненіи съ нимъ.

ibid. 112: «слова, въ которыхъ нѣтъ благородства» — parum splendoris habebunt. Splendor, въ приложеніи къ словамъ, обозначаетъ ихъ благозвучность и мѣткость; тоже выражается и ниже, въ ст. 116 черезъ: speciosa vocabula rerum, что не совсѣмъ удачно передано черезъ: «предмета достойное слово».

ibid. 121: «богатою рѣчью счастливитъ» — beabit divite lingua. Beare здѣсь соотвѣтствуетъ нашему: «обогащать».

ibid. 173: «властною смертью» — morte suprema. Переводъ не совсѣмъ точный, такъ какъ о властности смерти въ подлинникѣ нѣтъ рѣчи, а говорится о томъ, что смерть есть окончаніе всѣхъ человѣческихъ дѣяній.

ibid. 176: «и господинъ господину вослѣдъ, какъ волна за волною» — въ подлинникѣ оттѣнокъ другой, вводимый словами: heres heredem.

ibid. 187: «родимой звѣзды покровитель» — natale comes qui

temperat astrum. Здѣсь temperare имѣетъ значеніе руководства, управленія.

ibid. 210: «чтишь ли день ты рожденья?» Въ подлинникѣ прибавлено еще характерное grate, оставленное безъ перевода.

II, 3, 54: «греческій строй» передаетъ не совсѣмъ точно: graeco fonte подлинника, гдѣ рѣчь идетъ не о строѣ, а о составѣ слова.

ibid. 84: Опущено безъ перевода слово: victorem, существенно необходимое, такъ какъ лирики воспѣваютъ не кулачныхъ бойцовъ вообще, а только побѣдителей на состязаніяхъ.

ibid. 86: «если ни правилъ я, ни оттѣнковъ въ извѣстномъ твореньи не удержу» — descriptas servare vices operumque colores. Переводъ значительно уступаетъ подлиннику: подъ descriptae vices разумѣются не правила, но роды поэзіи, которые значительно разнятся одинъ отъ другаго.

ibid. 124: «Іо безпомощна» — vaga Io. Переводъ не точный.

ibid. 137: «Участь Пріама пою и жребій войны благородной»— Fortunam Priami cantabo et nobile bellum. Выраженіе: «жребій войны» неудачно; кромѣ того, nobilis здѣсь имѣетъ значеніе: знаменитый, а не благородный.

ibid. 134: «если ты хочешь, чтобъ зрители ждали спуска завѣсы»—Si plausoris eges aulaea manentis. Переводъ слабѣе подлинника.

ibid. 157: «и подвижныхъ и зрѣлыхъ лѣтъ сохранить выраженья»—mobilibusque decor naturis dandus et annis. Подъ decor разумѣется здѣсь не только выраженіе, но и весь характеръ, τὸ πρέπον.

ibid. 162: «Яркое Марсово поле» — aprici gramina campi. Переводъ не совсѣмъ точный.

ibid. 172 оставлено безъ перевода слово: iners.

ibid. 218: «полнымъ сочувствіемъ къ дѣлу добра» — utiliumque sagax rerum. Переводъ не совсѣмъ точный: sagax здѣсь тоже, что gnarus: свѣдущій, опытный.

ibid. 223: «чтобъ такою пріятной завлечь новизною» — illecebris erat et grata novitate morandus spectator. Переводъ значительно ослабляетъ подлинникъ.

ibid. 235: опущено слово inornata, вводящее особый оттѣнокъ.

ibid. 240: «общій предметъ бы воспѣлъ я»—ex noto fictum carmen sequar. Sequi здѣсь имѣетъ значеніе: стремиться къ чему либо, и подъ carmen fictum ex noto разумѣется стихотвореніе, тема котораго извѣстна слушателямъ.

ibid. 250 оставлено безъ перевода выраженіе: aequis accipiunt animis, а въ ст. 259 — слово rarus, характеризующее метрическое построеніе стиха Акція и Эннія.

ibid. 292: «пѣснь отвергайте» — carmen reprehendite. Переводъ безъ нужды усиливаетъ подлинникъ.

ibid. 307: «въ чемъ пища и сила поэта» — quid alat formetque poetam. Переводъ не совсѣмъ точный, ибо formare указываетъ не на силу, но на образованіе: «что образуетъ поэта».

ibid. 309: «старайся правильно мыслить» — sapere est et principium et fons. Переводъ значительно ослабляетъ подлинникъ.

ibid. 330 оставлено безъ перевода слово: aerugo, здѣсь имѣющее свое значеніе.

ibid. 340: «юный всадникъ не слушаетъ тѣхъ, гдѣ есть поученье».— Celsi praetereunt austera poemata Ramnes. Переводъ значительно отступаетъ отъ подлинника.

ibid. 360: «но сочиненье огромное вправѣ склонять и къ дремотѣ»—verum operi longo fas est obrepere somnum. Мысль подлинника иная: Продолжая вышеприведенную метафору: quandoque bonus dormitat Homerus, Горацій говоритъ, что этотъ недостатокъ зависитъ отъ значительнаго объема произведенія, въ которомъ поэтому можно быть и недостаткамъ.

ibid. «кто флейтѣ Пиѳійской преданъ»—qui Pythia cantat tibicen. Точнѣе было бы перевести, это не: «Пиѳійской флейтой», которой не было вовсе, но: «Пиѳійской мелодіей», которая употреблялась въ Дельфахъ, на празднествѣ Аполлона.

ibid. 423: «изъ судебнаго дѣла выручить»—eripere atris litibus implicitum. Переводъ значительно блѣднѣе оригинала.

ibid. 456: «а мальчишки, гоняясь за нимъ, его безпокоятъ»—agitant pueri incautique sequuntur. Здѣсь напрасно оставлено безъ перевода слово incauti.

Пусть не посѣтуетъ почтенный переводчикъ на этотъ длинный рядъ замѣчаній; они вызваны прежде всего желаніемъ видѣть слѣдующее изданіе его труда свободнымъ отъ укоровъ въ неточности и вольномъ обращеніи съ оригиналомъ. Затѣмъ, замѣчанія эти нисколько не умаляютъ достоинствъ перевода, въ общемъ, повторяемъ, вѣрнаго и удачно передающаго подлинникъ: видно, что переводчикъ долго вдумывался въ смыслъ оригинала и старался передать его во всѣхъ оттѣнкахъ, начиная съ хода и порядка мыслей и кончая отдѣльными образами и метафорами. Для доказательства приведемъ по одному примѣру изъ обоихъ отдѣловъ Гораціевыхъ произведеній: вотъ переводъ 4-ой оды второй книги, который можно признать почти безукоризненнымъ:

Ты не стыдись, что увлекся рабою
Ксантій Фокей: Бризеида смирила
Бывши въ плѣну, бѣлоснѣжной красою
　　Гордость Ахилла;
Сынъ Теламона, Аяксъ повелитель,
Стройной Текмессой плѣнился мгновенно:
Такъ воспылалъ и Атридъ побѣдитель
　　Дѣвою плѣнной
Послѣ того, какъ герой ѳессалійскій
Варваровъ смялъ, и за Гекторомъ павшимъ
Легкой добычей сталъ берегъ фригійскій
　　Грекамъ уставшимъ.
Русой Филлиды родители были,
Ты и не знаешь, быть можетъ, богаты;
Вѣрно, въ ней царскую кровь затаили
　　Злые пенаты.

Вѣрь мнѣ, что выборомъ можешь гордиться:
Вѣрности нѣтъ средь толпы ненавистной.
Можно ль отъ матери подлой родиться
Столь безкорыстной?
Руки ея и лице и покатый
Очеркъ икры, не страшась, выхваляю . . .
Брось подозрѣнье. Вѣдь я ужь девятый
Люстръ доживаю.

А вотъ начало 6-ой сатиры второй книги, переданное также въ высшей степени удачно:

Это лишь было въ мольбахъ: клокъ поля не слишкомъ обширный
Гдѣ бы садъ былъ и близко отъ дома бѣгущій источникъ,
Да ко всему лѣсокъ небольшой. Пространнѣй и лучше
Боги послали. Прекрасно. Не буду просить еще больше,
Развѣ чтобъ эти дары, сынъ Маи, за мной утвердилъ ты.
Если дурными путями я не умножилъ достатка,
Если пороками или виною его не умалю,
Если не стану молить, какъ глупецъ: о хоть бы тотъ уголъ
Ближній прирѣзать, который теперь искажаетъ все поле!
О еслибъ денегъ горшокъ судьба, какъ тому, мнѣ послала,
Что на отысканный плодъ то поле купилъ, что съ найма онъ
Прежде пахалъ, богатымъ по милости ставъ Геркулеса.
Ежели тѣмъ, что есть, я доволенъ, прошу объ одномъ я:
Пусть у владѣльца жирѣетъ и скотъ, и все прочее, кромѣ
Духа и будь, какъ всегда, моимъ ты защитникомъ высшимъ.
Разъ, что въ горы и въ домъ свой изъ города я удалился,
Чтоже воспѣть мнѣ прежде сатиръ и будничной Музы?
Ни честолюбье не губитъ меня, ни Австеръ свинцовый,
Ни вредоносная осень, доходная злой Либитинѣ.

Такихъ, прекрасно переданныхъ мѣстъ не мало въ обоихъ отдѣлахъ и они съ лихвою искупаютъ тѣ неточности, образчики которыхъ приведены выше. Благодаря богатству русскаго языка,

которымъ г. Фетъ владѣетъ въ совершенствѣ, ему удалось многія типическія выраженія подлинника передать почти съ буквальною точностью. Нѣсколько примѣровъ: saligno fuste dolat—«ивовой палкой началъ *тесать*»; ad unguem factus homo—«человѣкъ *лощеный подъ ноготь*»; summum properabat lambere tectum—«собирался *лизать* высокую крышу»; quem rodunt omnes libertino patre natum—«всѣ *грызутъ* меня, отца отпущенника сына»; expressa arbusto regerit convicia—«*дубоватымъ* отвѣтилъ ругательствомъ»; ultra perfectum traheretur—«внѣ совершенства въ слѣдъ *волоклось бы*»; plerumque recoctus scriba ex quinqueviro—«нерѣдко писецъ *испеченный* изъ пяти-гласнаго»; nos numerus sumus—«мы вѣдь только *нули*». Эти и имъ подобныя мѣткія передачи значительно возвышаютъ достоинство перевода г. Фета.

Переходимъ къ отчету о внѣшней формѣ перевода. Лирическія произведенія Горація переданы, за немногими исключеніями, риѳмованными стихами; объ этомъ пріемѣ самъ переводчикъ говоритъ во введеніи слѣдующее: «Оды Горація, какъ и вообще произведенія античной лиры — пѣсни, музыка съ опредѣленнымъ, часто весьма причудливымъ метромъ, которому подражать на новѣйшихъ языкахъ невозможно, а пѣснь, какъ стрѣла, требуетъ быть оперенной. Въ нашихъ условіяхъ это достижимо только при помощи риѳмы». Вѣрность взгляда г. Фета на такой, а не иной способъ передачи древнихъ лирическихъ произведеній подтверждается сужденіемъ такого глубокаго знатока античной музыки, какъ Вестфаль; вотъ что говоритъ онъ въ своемъ предисловіи къ Катуллу, переведенному имъ также риѳмованными стихами: «Wenn ich daher einen meinem Herzen nahestehenden antiken Dichter «in mein geliebtes Deutsch übertragen will», so kann ich nicht umhin, ihn nicht bloss in fliessender deutscher Zunge, sondern auch in deutschen Reimen reden zu lassen; denn der Reim ist nun einmal das harmonische Element, welches der ganzen Richtung unserer musischen Kunst gemäss an die Stelle der rhythmischen Formenfülle des Alterthums getreten ist». Нѣтъ нужды распространяться и доказывать, что г. Фетъ стихомъ и

риѳмой владѣетъ съ рѣдкимъ мастерствомъ и это мастерство еще болѣе приближаетъ его переводъ къ подлиннику: и Горацій въ совершенствѣ обладалъ латинскими лирическими метрами, которые отличаются у него съ одной стороны необычайною законченностью отдѣлки, а съ другой—непринужденностью. Эти же достоинства видимъ мы и у русскаго его переводчика. Метры г. Фета отличаются разнообразіемъ и оригинальнымъ сочетаніемъ стопъ, придающимъ особую прелесть переводу; сочетанія эти особенно часты въ эподахъ, отличающихся по своему метрическому построенію отъ одъ—новая черта, приближающая переводъ къ подлиннику. Риѳмы г. Фета отличаются рѣдкою полнотою и благозвучностью. Лишь весьма немногія мѣста вызываютъ замѣчанія, потому что г. Фетъ рѣдко прибѣгаетъ къ такимъ формамъ, которыя прямо вызывались бы стихотворною нуждою. Къ такимъ случаямъ прежде всего надобно отнести собственныя имена, въ которыя иногда вводятся неправильныя формы и на которыхъ изрѣдка ставится неправильное удареніе. Таковы: Япи́гу (I, 3, 4; III, 27, 19), Пелеида (I, 6, 6), Гесперцевъ (II, 1, 31), сирта́мъ (II, 6, 3; 20, 15; эпод. 9, 30), Фратъ (вм. Фраатъ II, 2, 10), Постумій (вм. Постумъ II, 14, 1), Либе́ръ (II, 19, 8), Баѣ (вм. Баяхъ III, 4, 24), Ламія (вм. Лама III, 17, 1), Бибу́ла (III, 28, 8), Ауфи́да (IV, 9, 3, 14, 25, но въ III, 30, 9—А́уфидъ), Квиритъ (вм. Квиритовъ IV, 14, 1), Хремъ (вм. Хреметъ эпод. 1, 34), Іоніи (какъ трехсложное слово 3,54), Бупа́лу (6, 14), Австеръ (10, 3), Вольту́рѣ (III, 4, 9); подобныя же особенности, хотя и въ значительно меньшемъ количествѣ, видимъ мы и въ именахъ нарицательныхъ и другихъ словахъ, какъ напр.: лука́ (I, 29, 7), благообразныя преклонности дождаться (I, 31, 19), варили эту тра́ву мнѣ иль злую снѣдь (эпод. 3,7), деньга́ми (4, 5). Что касается языка, которымъ переведены лирическія произведенія Горація, то и онъ, при вышеозначенномъ мастерскомъ обладаніи имъ со стороны г. Фета, оказывается почти безупречнымъ: рѣчь его гладка, естественна, удобопонятна; лексикальный ея составъ, за рѣдкими исключеніями, замѣчаній не вызываетъ. Вездѣ видно,

что переводчикъ является полнымъ хозяиномъ въ близко знакомой ему области, что онъ опытною рукою распоряжается составляющими его полную собственность сокровищами русской рѣчи. Приводить доказательства только что сказаннаго считаемъ излишнимъ; но не безполезнымъ признаемъ сдѣлать нѣсколько указаній на слова и фразы, представляющіяся намъ отчасти странными, отчасти неудачными:

«Алкида-ль прославлю иль *мальчиковъ* Леды» (I, 12, 25); кажется, что здѣсь ближе было бы къ величавому и торжественному тону оды слово: отроковъ.

ibid 33: «древнѣйшаго-ль трона я вѣкъ воспою». Выраженіе: «вѣкъ трона» представляется намъ неудачнымъ.

I, 28, 21: «Оріона *исхожаго* бѣшеный спутникъ». Врядъ ли слово: «исхожій» (devexus) употребляется про заходящее созвѣздіе.

II, 8, 9: «въ пользу лгать тебѣ погребеннымъ прахомъ матери и всѣмъ молчаливымъ небомъ, *звѣздъ ночныхъ* и чуждыми вѣчно-хладной смерти богами». Предполагая даже, что запятая, стоящая между словами: «небомъ» и «звѣздъ», есть опечатка, все же выраженіе: «небо звѣздъ» представляется страннымъ.

II, 13, 11: «на полѣ у *меня тебя*, несчастный стволъ». Соединеніе двухъ одинаковыхъ формъ личныхъ мѣстоименій представляется намъ какофоніей; такимъ же кажется намъ и ст. 10-й 14-й оды второй книги: «плодами своими хотя *бы мы были*».

II, 18, 18: «ты, полумертвый, подряжаешь каменотесовъ *за день похоронъ*» — мы ожидали бы: «за день до похоронъ» или: «наканунѣ похоронъ».

III, 18, 14: «и сыплетъ боръ тебѣ *пустынные* листы». Эпитетъ: пустынный» (agrestis) врядъ ли идетъ къ слову: листы.

IV, 8, 1: «дарить и чашами и мѣдью дорогой, о Цензоринъ *бы я* товарищей старался». Разстановка словъ неудачна.

IV, 3, 22: «сказавъ ли про меня: вотъ римскій нашъ *гусляръ*!» Слово «гусляръ» (fidicen) въ литературномъ языкѣ не употребляется.

IV, 13, 10: «онъ и тебя *то* за *то* покидаетъ» — стихъ неблагозвучный.

Врядъ ли удачны новообразованія: «властелинка» (Carm. saec. 35), «ядотворка» (эпод. 5, 72), «мочливый Эвръ» (16, 53).

Эпод. 5, 13: «стоялъ мальчикъ съ обнаженнымъ отъ дѣтскихъ одеждъ знатнымъ тѣломъ» — выраженіе неудачное.

Эпод. 7, 12: «такой ни у волковъ нигдѣ и у львовъ повадки нѣтъ, ужь развѣ на звѣрей иныхъ» — конструкція, также представляющаяся намъ неудачной.

Эпод. 15, 14: «онъ не потерпитъ, чтобъ ты отдавала избраннику ночи, къ *ровнѣ* въ сердцахъ онъ пойдетъ». Это вульгарное выраженіе мало гармонируетъ съ общимъ тономъ эподы.

Переходимъ къ обозрѣнію втораго отдѣла перевода г. Фета, сатиръ и посланій, переданныхъ, какъ и естественно ожидать, гекзаметромъ. И этимъ метромъ владѣетъ переводчикъ съ рѣдкимъ мастерствомъ, вводя въ него различныя особенности, не замѣчаемыя въ гекзаметрахъ Гнѣдича и Жуковскаго. Прежде всего, стихъ г. Фета отличается разнообразіемъ въ чередованіи стопъ дактилическихъ и спондаическихъ, чѣмъ значительно приближается къ гекзаметру самого Горація. У римскаго поэта это разнообразіе доведено до высокой степени техническаго совершенства, проявляющагося, между прочимъ, и въ томъ, что то или другое сочетаніе стоитъ въ близкой, даже непосредственной связи съ содержаніемъ. Нѣчто подобное замѣчаемъ мы и у русскаго переводчика: и у него скопленіе спондеевъ картинно рисуетъ содержаніе серьезное и важное, и, наоборотъ, преобладаніе дактилей — соотвѣтствуетъ игривому разсказу или оживленной аргументаціи. Понятіе о рѣдкомъ мастерствѣ, съ которымъ г. Фетъ владѣетъ гекзаметромъ, можно составить по слѣдующимъ начальнымъ стихамъ 5-ой сатиры первой книги:

Изъ великаго Рима мнѣ шедшему скромнымъ пріютомъ
Стала Ариція: Геліодоръ со мною былъ, риторъ
Самый ученый изъ Грековъ: затѣмъ и Аппія форумъ
Весь набитый матросами да торгашами плутами.

Этотъ, лѣнивцы — мы переходъ раздѣлили, хоть легкимъ
Людямъ онъ на день: не такъ утомительна Аппія тихимъ.
Здѣсь изъ за гнусной воды войну объявилъ я желудку
И съ нетерпѣніемъ ждалъ, пока сопутники ужинъ
Кончили свой. Ужь ночь приближаясь готовилась землю
Тѣнью покрыть и по небу разсыпать ясныя звѣзды:
Тутъ наши слуги съ гребцами, гребцы со слугами вступили
Въ споры. — «Причаливай тутъ» — «Ты триста готовъ напихать
их».
«Стой, довольно!» Пока разочлись да мула прицѣпили
Цѣлый часъ прошелъ. Комары да лягушки въ болотѣ
Сонъ разогнали. А тутъ отдаленныхъ подругъ воспѣваютъ,
Кислымъ налиты виномъ, какъ лодочникъ, такъ и погоньщикъ
Другъ передъ дружкой: однакожь усталый погоньщикъ склонился
Въ сонъ, а веревку съ мула, что пущенъ пастися, лѣнивый
Лодочникъ привязалъ за камень, и навзничь самъ дрыхнетъ.
День ужь насталъ, когда мы услыхали, что лодка ни мало
Не подвигается: тутъ одинъ запальчивый, прянувъ
По головѣ то мула, то хозяина ивовой палкой
Началъ тесать: въ четвертомъ часу мы только пристали».

Другою особенностью гекзаметра г. Фета слѣдуетъ поставить введеніе имъ двухъ повышеній голоса въ одномъ словѣ: эта особенность допускается имъ въ словахъ многосложныхъ, которыя поэтому скандируются съ двумя арсисами. Для непривычнаго уха такой пріемъ можетъ показаться сперва страннымъ, но при дальнѣйшемъ чтеніи ухо къ нему привыкаетъ. Таковы слѣдующіе стихи:

Гре́хъ съ отпуще́нницей и съ чужо́ю жено́ю все тотъ же;
Что́ пѣснопѣ́ніями́ да яда́ми все́ извраща́ютъ;
По́селяни́нъ съ той поры́, какъ по дре́внимъ преда́ньямъ Сабе́льцы;
Не́объѣ́зженно́й тебя́ истоми́ла, иль Ри́мскій;
Се́туя пла́чешь: я спра́шиваю: не посту́пишь ли лу́чше;

Я́ ихъ съ я́блоками́ подаю́; винный ка́мень я пе́рвый;
Ка́менщики́ свой снаря́дъ. Коль бра́чное ло́же есть въ до́мѣ;
Гре́ція съ ва́рварами́ запу́талась до́лгой войно́ю;
Стра́ждущему́ пода́грой и ци́тры ушамъ засоре́ннымъ;
У́жина́ть его́ пригласи́. Но не вѣ́рится Мэ́нѣ;
До́ тѣхъ по́ръ, что засаленныя́ затрясли́сь его ру́ки;
Пе́рвосвяще́нникО́въ, стари́нныхъ гада́телей сви́тки;
Гу́сляры́ и борцы́ превы́ше иску́сныхъ Ахе́йцевъ;
Стра́жи, носи́льщики, за́вива́льщики́, приживалки;
Ли́ка Вели́каго А́лекса́ндра. 'Еслибъ тако́е;
Ма́лая́ нейде́тъ къ твоему́ вели́чью, ни скро́мность;
То́, если вѣ́рить зако́нникамъ, по́льзованье́ усвоя́етъ;
Что́ нашелъ не бо́льше оста́вленнаго́; но жела́ю;
Но́выя́ имена́? Дозво́лено бы́ло и бу́детъ;
Съ Ме́ссало́й, а бога́тствомъ съ Касце́лліемъ 'Авломъ.

Мѣстами же, въ гекзаметрахъ г. Фета встрѣчается и явленіе обратное, т. е. исчезновеніе ударенія въ словѣ, его обыкновенно имѣющемъ, напр.

Три́ раза Ти́бръ перепль́ить до̆лжёнъ крѣпкаго сна́ восхотѣвшій;
Ту́тъ мёня́ ста́лъ онъ учи́ть, что медо́выя я́блоки кра́сны.

Изрѣдка встрѣчаются стихи, метрическое построеніе которыхъ представляется не совсѣмъ удачнымъ; таковы:

От̀ъ роду безъ году осьми десятковъ, хоть много подстилокъ;
Сбыться надеждамъ вели́тъ, тру́са толкаетъ въ сраженья;
Кончилъ однажды дѣла́ о́коло часу осьмаго;
Стань его хвалить некстати, онъ брыкнется въ острастку;
Горы сплошныя, прорѣзанныя тѣнистою долиной;
Э̀тому злу чуть небольше зло противоположно;
Деревенская грубость въ неуклюжихъ ухваткахъ;
Съ помощниками въ трудахъ, съ дѣтьми и вѣрной женою;
И смѣшны ль тебѣ мы, и чудеса маги и вѣдьмы;
За короткимъ слогомъ долгій ямбомъ зовется.

Мѣстами переводчикъ прибѣгаетъ къ измѣненію ударенія противъ общепринятаго, изрѣдка вводитъ формы мало употребительныя, изрѣдка вставляетъ частицы, очевидно, по требованію стиха, кое гдѣ допускаетъ необычную разстановку словъ; напр.:

Ртомъ что можетъ тащи́тъ...
... могучій Ауфи́дъ увлекаетъ;
... поплатиться деньга́ми, спиной и безчестьемъ;
... и самъ Гермогенъ то Тигеллій;
... сосѣдняя съ Три́викомъ вилла;
... воды кувшино́мъ тамъ не больше;
Что дѣдовско́е добро...
.... почемъ овощи́ и пшеница;
.... умирающихъ Галловъ иль съ ко́ней;
.... изъ того же яйца порожденный;
Голову, броситься въ рѣ́ку...
Или честна́я сестра и родина...
.... иль помойную тру́бу;
.... шейный платокъ, какъ тотъ хмѣ́льный;
.... у Вертумніевъ всѣхъ при рожденіи проклятъ;
.... соперника Баи блестящей;
Что же Парисъ-то?...
Сходятъ съ ума то цари...
.... съ часу на́ часъ все медлитъ.
Замедляетъ ли васъ Ѳракія....
.... въ Тибу́рѣ же Римъ восхваляю;
.... или мимъ вторую ролю играетъ;
.... иначе какъ хмѣ́льный;
Въ годъ какъ Лепи́да...
Въ Габіи или Тибу́рѣ...
.... помяну́тый побѣгъ не смущаетъ;
Съ гордостью то какой...
Льетъ дары въ Лаціу́мъ....
.... кустарникъ въ пашню́ обращаетъ;

И ночные лему́ры...
У Цетегъ препоясанныхъ....
И прогнѣванный Хремъ....
Общій предметъ бы воспѣлъ я....
Былъ говорятъ Өеспи́съ....
Выручить, я бъ изумился когда бъ....
Не отстанетъ какъ пьявка....

Но всѣ эти уклоненія суть ни что иное, какъ частности, нисколько не нарушающія того общаго впечатлѣнія, которое производятъ на читателя прекрасные гекзаметры г. Фета. Рѣчь и тонъ перевода также вполнѣ подходятъ къ рѣчи и тону подлинника; это не есть чопорный и надутый языкъ перевода Дмитріева, а точно такая же середина между языкомъ литературнымъ и рѣчью разговорной, которая составляетъ отличительную особенность Гораціевыхъ sermones. Переводчикъ съ большимъ тактомъ пользуется и разговорной и, даже, простонародной рѣчью, и только въ исключительныхъ случаяхъ переступаетъ предѣлы дозволеннаго. Къ таковымъ относимъ мы выраженія: жена *плодущая* въ домѣ (sat. II, 5, 31), *аль* ниже надежды (посл. I, 6, 13), Давъ говоритъ ли и *пройда* (посл. II, 3, 237). Изрѣдка попадаются фразы неловкія или ненужныя повторенія:

Издалъ указъ, *чтобъ кромѣ никто* Апеллеса его бы
Не писалъ иль кромѣ Лизиппа не лилъ бы изъ мѣди
Лика Великаго Александра....
Въ лѣсъ не безумнѣе *ты* дрова понесешь, чѣмъ затѣешь
Сонмъ великій писателей греческихъ *ты* пріумножить....
Этотъ мѣняетъ товаръ съ восходящаго *солнца* до самыхъ
Странъ вечерняго *солнца*....

Къ подобнымъ же неловкостямъ относимъ и употребленіе безъ перевода латинскихъ словъ, въ родѣ: маны, соккъ, лемуры и тому под.

Высказываемъ вкратцѣ наше мнѣніе о переводѣ г. Фета: въ немъ мы видимъ явленіе въ нашей литературѣ выдающееся, заслуживающее признательности со стороны всѣхъ, интересующихся ея развитіемъ и вполнѣ достойное высшей награды.

Отчетъ нашъ о трудѣ г. Фета былъ бы не полонъ, еслибъ мы не коснулись примѣчаній, которыми переводчикъ снабдилъ свой переводъ. Примѣчанія эти рѣзко распадаются на двѣ группы: одна имѣетъ въ виду указать хронологію Гораціевыхъ произведеній, разъяснить собственныя имена и техническіе термины, другая — прослѣдить связь между отдѣльными мыслями, уяснить тотъ или другой взглядъ Горація на различныя литературныя явленія. По достоинству, вторая группа стоитъ несравненно выше первой: г. Фетъ вездѣ умѣлъ уловить связь мыслей Горація и съ вѣрнымъ чутьемъ понялъ его взгляды на литературу; особыхъ замѣчаній этотъ отдѣлъ его разъясненій не вызываетъ. Но за то пришлось бы привести длинный рядъ указаній на неточности и даже ошибки, которыя вкрались въ примѣчанія, относящіяся къ разъясненію собственныхъ именъ и техническихъ терминовъ; какъ образчикъ, можно привести два, три примѣчанія: Марзы — народъ воинственный въ западной Африкѣ, у подошвы Атласа, въ сосѣдствѣ Нумидійцевъ (стр. 8, прим. 39); Пимплея — Муза, названная отъ Пимплы или Пимплеи, рѣки ѳракійской, посвященной Музамъ (стр. 34, прим. 7); отецъ упоминаемыхъ въ немъ Пизоновъ сыновей (Люцій, Кальпурній, Пизонъ) велъ свой родъ отъ сына царя Нумы (стр. 447) и т. д.

Да позволено будетъ высказать по этому поводу наши пожеланія: пусть при послѣдующемъ изданіи почтенный переводчикъ приметъ во вниманіе нѣкоторыя важнѣйшія пособія какъ для изученія Горація (напр. Franke: fasti Horatiani), такъ и вообще для знакомства съ классической древностью (напр. лексиконы Любкера и Смита) и воспользуется ими для пересмотра и передѣлки своихъ примѣчаній. Пусть также исправитъ онъ и загла-

віе своего труда, поставивъ вмѣсто: К(ай) Горацій Флаккъ — Кв(интъ) Горацій Флаккъ.

Основываясь на такомъ приговорѣ одного изъ самыхъ компетентныхъ въ настоящемъ дѣлѣ судей, Академія тѣмъ съ бо́льшимъ удовольствіемъ увѣнчала русскій переводъ Горація полною пушкинскою преміей, что увидѣла въ этомъ случай выразить свое уваженіе къ писателю, издавна занимающему почетное мѣсто въ русской литературѣ и нынѣ же обогатившему ее еще другимъ замѣчательнымъ трудомъ — полнымъ поэтическимъ переводомъ обѣихъ частей Фауста, на что не рѣшался до него ни одинъ изъ переводчиковъ знаменитой нѣмецкой трагедіи.

Вмѣстѣ съ симъ Отдѣленіе русскаго языка и словесности, въ засвидѣтельствованіе своей благодарности за содѣйствіе постороннихъ ученыхъ при разсмотрѣніи подлежавшихъ ея оцѣнкѣ трудовъ, присудило золотыя медали рецензентамъ ихъ: И. В. Помяловскому и Г. С. Дестунису; а затѣмъ приноситъ искреннюю свою признательность и А. Н. Майкову за дѣятельное участіе, принятое имъ въ совѣщаніяхъ комиссіи по бывшему конкурсу.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ИМЕНЪ И ПРЕДМЕТОВЪ,

упоминаемыхъ

ВЪ XXXVI ТОМѢ СБОРНИКА ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ.

Арабская цыфра, напечатанная жирнымъ шрифтомъ, означаетъ нумеръ статьи; остальныя же арабскія цыфры указываютъ на страницы каждаго отдѣльнаго нумера. Римскими цыфрами означены страницы «Извлеченій изъ протоколовъ отдѣленія», которыми начинается книга.

——•○❖○•——